

Наталья Солнцева

Она читала на ночь

Наталья Солнцева
Она читала на ночь

«АСТ»

Солнцева Н. А.

Она читала на ночь / Н. А. Солнцева — «АСТ»,

ISBN 978-5-17-072946-3

В центре Киева убит молодой человек по имени Андрон, подручный владельца ночного клуба и казино Шаха. Следом в автокатастрофе погибает его приятель Рыба. Примерно в то же время непризнанный гений Илларион Гусаров, вдохновленный необычным сном, пишет роман «Сиреневый аромат ночи» о жизни в других галактиках. Как связаны между собой эти события? Как ни странно, «виной» всему оказывается рыжеволосая художница Ксения, вокруг которой закручиваются странные и непонятные происшествия. Все, кто так или иначе связан с ней, оказываются под ударом. И даже вдохновение Гусарова не случайно. Он и не догадывается, что его «используют» как средство донести до нее историю любви. Каждый раз раскрывая книгу, она совершает путешествие в иные миры, смутно чувствуя свою связь с ними. Роман издается в новой редакции. Ранее роман выходил под названием «Сиреневый аромат ночи».

ISBN 978-5-17-072946-3

© Солнцева Н. А.

© АСТ

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Наталья Солнцева

Она читала на ночь

Посвящается А.

*О дух!
Да не припомнишь зла
Людскому роду —
Тебе величье жизнь дала,
А смерть — свободу.*

А. Ч. Суинберн

Глава 1

– Черт бы побрал строптивую бабу! – подумал Андрон, закуривая очередную сигарету.

С балкона его квартиры открывался вид на Днепр. Широкая и спокойная, река несла свои воды к далекому морю, веками подчиняясь раз и навсегда установленному порядку. С людьми все было не так. Они что-то решали, потом меняли свои решения, метались то туда, то сюда, страдали и мучились, негодовали, возмущались, переступали через свои принципы. С Андроном такое произошло впервые. И угораздило же его зайти к Эду, этому недоумку, слюнтяю и последней «шестерке»! Ну зачем, спрашивается, Андрону было самолично ехать на окраину города, подниматься на четвертый этаж, звонить в обшарпанную дверь типовой квартиры, входить в полутемную прихожую, где пахло скипидаром, красками и еще чем-то неуловимо таинственным...

Эд удивился. Он никак не ожидал визита такого важного гостя. Андрон и сам не ожидал. Подчиняясь руке судьбы, которая, видно, в тот роковой день взялась вести его по неизведанной тропе, Андрон принял приглашение выпить, прошел в кухню, сел на табуретку и ждал, пока Эд трясушимися от волнения руками наливал водку в хрустальные стопки. Приличной закуски у Эда, конечно же, не оказалось – он выложил на тарелку малосольные огурцы, колбасу и сыр. Андрон выпил, брезгливо поморщившись, отказался от еды и тут... странно опьянел. Водка была паршивая, тепловатая, отдавала керосином. Он вспомнил, что сегодня еще не завтракал и не обедал – работы было много, закрутился. И теперь алкоголь быстро сделал свое дело. Перед глазами Андрона вдруг все поплыло, голова приятно кружилась...

– Моя сестра, – представил Эд. – Ксения! Иди, выпей с нами.

Андрон поднял глаза и встретился с другими глазами – чуть-чуть раскосыми, цвета фиалок. По крайней мере, так ему тогда показалось.

В дверях кухни стояла молодая женщина лет двадцати пяти – двадцати семи, среднего роста, приятной полноты. Ее широкоскулое лицо обрамляли волнистые, небрежно заколотые рыжие волосы, спускающиеся ниже плеч.

– Не хочется, – равнодушно сказала она и вздохнула.

Именно с этого в общем ничем не примечательного мгновения и начались все муки и страдания Андрона. Воистину судьба вздумала посмеяться над ним. А может быть, кому-то на небесах захотелось поразвлечься, вот он и подстроил «случайное» свидание.

С тех пор Андрон, как принято говорить, потерял покой и сон. «Что в этой Ксении особенного?» – задавал он себе один и тот же бессмысленный вопрос. И не мог найти ответа. Он понимал только то, что постоянно думает о ней, вспоминая ее фиалковые глаза, яркие, несколько крупноватые губы, тронутые неопределенной улыбкой, чистый, покатый лоб с небрежными рыжеватыми завитками у висков... Черт! Он перестал спать, а если после нескольких рюмок коньяка заснуть все же удавалось – во сне являлась Ксения, призывно манила его, раскрывала ему навстречу свои объятия... Андрон вскакивал, вытирал испарину со лба, и остаток ночи тупо смотрел в потолок, по которому двигались полосы света, или выходил курить на балкон. И это при том, что женщины его почти не интересовали. Да! Он не ухаживал за девочками, будучи подростком, затем, возмужав, имел дело с девушками определенного сорта, но как бы невзначай, между прочим. Никаких церемоний не требовалось, и Андрон считал, что это нормально. Секс не увлекал его, а лишь служил способом удовлетворения инстинктов созревшего мужского тела. На первом месте у Андрона была, есть и будет его работа. А все остальное... так, приложение к главному.

Зачем в его жизни появилась Ксения?

Андрей Якимович, по кличке Андрон, не мог найти себе места. Он мерил шагами недавно купленную, стильно обставленную квартиру и чувствовал себя глубоко несчастным. Эта квартира в престижной элитной многоэтажке была показателем успеха, которого он добился в жизни, – просторная, из трех отдельных комнат, с двумя лоджиями и окнами, выходящими на Днепр.

Разве когда-нибудь Андрюшка, выросший в захудалом провинциальном городке, хулиган и двоечник, мог представить себе, что будет жить в центре Киева, в таких шикарных апартаментах, ездить на собственной иномарке и обедать в лучших ресторанах? Честно говоря, даже его мама – беззаботная мечтательница, любительница выпить и поболтать «под кайфом», – не предполагала такого обеспеченного будущего для своего сына. Она работала официанткой в привокзальном кафе, а свободное время проводила со своим кавалером, таксистом Васей, таким же пустословом и бездельником, как она сама. То, что Андрея надо воспитывать, им даже не приходило в голову. Сыт, да и ладно. Мать приносила из кафе еду – котлеты, пельмени, салаты, выпечку, сливочное масло, яйца, сахар, – складывала все это в холодильник и считала, что на этом ее родительские обязанности заканчиваются.

Бабушка Андрея жила в селе, держала кур, свиней, корову и раз в год приезжала к дочери, проведать внука и подбросить денюжат, вырученных на продаже мяса и картошки со своего огорода. На эти деньги Андрею покупали кое-какую одежду, но и только. Ни о велосипеде, ни о магнитофоне или хотя бы плеере, ни о каких-либо других «излишествах» речь не шла. Словом, он с детства привык думать о себе и своих родных как о людях третьего сорта и понимал: особенно рассчитывать ему не на что. В школу он ходил неохотно, на уроках изнывал от скуки, а дома по большей части спал или смотрел старенький, выдавший виды телевизор. Под вечер гонял с пацанами в футбол или ходил на речку ловить рыбу. Сидя с удочкой на берегу, заросшем камышами и осокой, он думал, чем займется после школы. Податься было совершенно

некуда. Разве что мать или дядя Вася устроят грузчиком на привокзальный рынок. Такая перспектива не радовала, но другой Андрей для себя не видел.

– Что он у тебя дальше делать будет? – спрашивала бабушка свою непутевую дочку. – Учиться ему надо.

– На кого-нибудь выучится! – лениво отвечала мать, наливая очередной стакан красного вина.

– В город тебе уезжать надо, – жалостливо глядя на Андрея, советовала бабуля. – К племяннику моему, Петру Опанасовичу.

Так она называла Петра Афанасьевича Якимовича, который жил в Киеве и работал там то ли адвокатом, то ли юристом на каком-то предприятии.

– Куда? – пьяно возмущалась мать. – Кому он там нужен? Со свиным рылом в калашный ряд не суются!

Но Андрей бабкины слова запомнил. В Киеве он ни разу не был, и этот город представлялся ему чем-то далеким и праздничным, как Америка в кинофильмах.

И вот – все осуществилось. Все, о чем он не смел и мечтать! И Киев, и квартира, и телевизор «Сони», и машина, и... Видать, он и правда в рубашке родился.

Немного помог Петр Афанасьевич, но по большому счету Андрей должен был благодарить судьбу, которая наконец повернулась к нему лицом. Ему неожиданно посчастливилось оказать услугу одному человеку, и человек этот «вывел его в люди». Дал работу в автомастерской, потом поручал разные мелкие дела, которые Андрей выполнял с провинциальной тщательностью и усердием. Андрей был туповат, но упрям и одержим желанием вырваться из нищеты и безрадостного существования. Ради своего благодетеля он был готов на все, и тот оценил пыл и преданность нового помощника. Там, где другим все давалось легко, Андрону приходилось добиваться своего с упорством и жестокостью, которая, как оказалось, присутствовала в его характере. Раньше он этого в себе не замечал, и только городская жизнь и новая работа выявили это его качество. Безжалостный, упрямый, он шел напролом, сметая все, что попадалось на пути к обеспеченному будущему.

Автомастерские, уличный рэкет, роль «шестерки», мальчика на побегушках при хозяине – все осталось позади. Теперь Андрей Якимович был «шестеркой» более высокого ранга: коммерческим директором нескольких фирм и фирмочек, которые отмывали теневые доходы. Ему пришлось стать другим человеком – положение обязывало. Денег он не считал, одевался с шиком и даже начал интересоваться девочками, чего раньше себе не позволял. Почему? А черт его знает! Не до этого было. Стремление любой ценой выбраться «из грязи» на качественно иной уровень жизни поглощало все его внимание, все силы. Их просто ни на что больше не оставалось.

Девочки по вызову – шикарные шлюшки – вполне устраивали Андрона как мужчину. Эти кратковременные связи ни к чему не обязывали, ничего не требовали. И вдруг... Ксения! Андрон понял, интуитивно ощутил, что в его жизни появилась *женщина*. То, что она оказалось сестрой Эда, делало задачу легкой. Ксения будет просто счастлива, что Андрон обратил на нее внимание. Но получилось не так, как ожидалось.

После того рокового посещения квартиры Эда Андрон не мог думать ни о чем, кроме новой встречи с Ксенией. И он решился на неслыханный поступок: купил огромный букет роз, дорогое вино, конфеты и отправился в гости. Разумеется, Эда дома не было. Парню дали срочное поручение, и, убедившись, что Ксения одна, Андрон, с букетом в руках, чувствуя себя полным идиотом, позвонил в знакомую дверь...

Ухаживать за Ксенией оказалось непросто. Она была равнодушна к подаркам и явно тяготилась обществом Андрона, который хорошо знал, как вести себя с «братвой» и бизнесменами, а перед этой рыжеволосой тихоней робел и не мог преодолеть косноязычия. Господин Якимович начал наводить справки о предмете своей страсти. Он узнал, что Ксения художница:

она закончила академию искусств и жила тем, что продавала написанные ею картины. Андрон ни черта не смыслил в живописи, но приобрел пару картин по баснословной цене, чем думал доставить удовольствие даме сердца. Но его «благотворительный» жест остался незамеченным. Приглашения в ресторан Ксения принимала неохотно, и Андрон, вопреки своим принципам, решил повести ее в театр. Она согласилась. Пьеса была скучная, и посреди спектакля они ушли. Андрон предложил прогуляться по ночному Крещатику. По дороге он пытался объяснить ей, какие чувства испытывает, и рискнул обнять и поцеловать Ксению. Она отшатнулась и посмотрела на него, как на безумца.

– Тебе что, не хочется? – спросил он, забыв о «хорошем тоне».

– Не хочется, – ответила она, отворачиваясь. – Отвези меня домой.

Наконец бесплодные попытки понравиться Ксении взбесили Якимовича. Какого дьявола он должен ломать комедию перед какой-то там полунницей художницей? Да еще сестрой Эда Миленко? Они оба бестолковые, глупые люди. Особенно Ксения. Не понимает баба своей выгоды! Тупая, как гусыня! Ладно... не хочет по-доброму, по-хорошему – будет по-плохому.

Время шло. Сдерживать свои желания Андрону становилось невмозможным. Он устал от эротических картин, которые услужливо являло ему воображение, и решил взять силой то, что ему не хотели давать добровольно. Ксения оказалась упрямой, но он знает, как с этим справиться! Не впервой. Правда, к женщинам ему еще применять силу не приходилось, но если по-другому не получается? Желание овладеть Ксенией превратилось для Андрона в какое-то наваждение, мучительную, болезненную страсть.

Он остановился посреди гостиной, ничего не видя перед собой, сломал и бросил на пол очередную сигарету, так и не закурив ее. Зачем-то включил телевизор. Но происходящее на экране не задевало его сознания. Якимович рухнул в кресло и со стоном закрыл глаза. Как он ненавидел Ксению за ее несговорчивость, идиотское упрямство! Святая дева выискалась! Можно подумать, что в ее возрасте она еще ни с кем не трахалась!

Он заскрипел зубами от бешенства и стал придумывать картины, одну страшнее другой, как он отомстит ей за все свои страдания, как он бросит ее на пол, разорвет одежду...

– Если она будет сопротивляться, я убью ее! – решил Андрон, и его сердце неприятно заныло.

Вывеска элитного ночного клуба и казино «Вавилон» переливалась разноцветными огнями. Вход был оформлен в виде знаменитых ворот богини Иштар, и вообще все здание даже внешне поражало пышной, тяжеловесной роскошью, которая внутри превращалась в нечто и вовсе фантастическое. Интерьеры «Вавилона» напоминали убранство дворцов то ли ассирийских владык, то ли правителей волшебных царств, описанных в индийских сказках. Позолота, антикварная мебель, шелка и бархат, парча и золотисто-прозрачные занавеси, страусовые и павлиньи перья, шкуры леопардов, египетские статуи, черный мрамор колонн и напольные вазы под малахит, ковры, пылающие светильники, выполненные в виде факелов, – все это на первый взгляд было полным смешением стилей. Но на самом деле здесь присутствовала удивительная гармония изощренного великолепия, бьющей через край изобильной, вычурной красоты мира, доступной лишь избранным счастливым.

Во всяком случае, именно так считал хозяин «Вавилона» Егор Иванович Шахров. «Вавилон» был воплощением его мечты, всего того, к чему стоило стремиться. В старом здании, бывшем дворянском особняке, притаившемся под сенью киевских каштанов, он и устроил этот маленький островок почти варварской, вызывающей, дикой, скифско-восточно-африканской роскоши.

На втором этаже находились отдельные кабинеты, танцевальный зал и два бара. На первом – ночной ресторан, «римские бани», комнаты отдыха и бильярдная. Внизу, в углубленном и по-новому оборудованном цокольном этаже, располагались казино, гостиная для постоян-

ных посетителей и апартаменты самого Шахрова из двух комнат. Одна была приспособлена для работы – с компьютерами, оргтехникой, связью, несколькими замаскированными в стенах сейфами и прочими атрибутами современного бизнеса; вторая напоминала нечто среднее между гостиной и будуаром. Здесь были диван и кресла для приема важных гостей, зона отдыха, аквариум с золотыми рыбками, маленький зимний сад, отгороженные ширмами затемненные уголки, где царили изысканность и шарм в сочетании с поражающими воображение богатством и странными вкусами владельца. Сюда, в святая святых, допускались только самые приближенные, доверенные лица. Остальных Егор Иванович принимал в ресторане или одном из баров, в зависимости от значимости персоны.

Сегодня хозяин проводил время за игрой в бильярд. Его партнером был управляющий крупного банка Виталий Анисимович Берг, мужчина лет пятидесяти, полный и розовый, с солидным, выступающим из расстегнутого пиджака брюшком. Он отдувался и тяжело дышал, несмотря на прохладу. Бильярдная, как и все помещения «Вавилона», была снабжена новейшими кондиционерами и системами вентиляции. Тем не менее господин Берг потел, время от времени вытаскивал из кармана белоснежный носовой платок и промокал свой покатый, с залысынами лоб мыслителя. Волнение банкира было последствием разговора между ним и Шахровым, состоявшегося за ужином.

Финансовая операция, в которой Бергу предстояло сыграть не последнюю роль, была задумана с таким размахом, изяществом и потрясающей наглостью, что у Виталия Анисимовича дух захватило. Шах – как в определенных кругах называли Егора Шахрова – полностью подтверждал репутацию умного, хладнокровного и хищного дельца. Назвать его «крутым» как-то даже язык не поворачивался, ибо он давно перерос подобный жаргон, равно как и свое уголовное прошлое. Оно у него было, но подробностей никто не знал.

Шахров приехал в Киев из Евенска, когда еще не было никакого СНГ, а был «великий, могучий Советский Союз». Город Евенск, как рассказывали некоторые особо интересующиеся прошлым Шаха, находился где-то в глухой Сибири, чуть ли не на Колыме, и что там делал достопочтенный Егор Иванович, было покрыто мраком. Наверное, родился и жил, как все остальные жители Евенска, ходил в школу, потом учился или работал... Дальше подобных предположений никто идти не решался. Во-первых, уж больно далеко был этот городок, а во-вторых, разузнавать о Шахрове было опасно. Люди, которые пытались это делать, незаметно исчезали. Куда? Да кто ж знает? Пошел, например, человек в лес и заблудился. Или в аварию попал. Бывает. Сплошь и рядом. Или, например, пьяный решил в Днепре искупаться. Разве спасательная служба не предупреждает граждан, что так вести себя на воде нельзя? Но граждане не слушают. А потом наступают тяжкие для их здоровья и жизни последствия. Вот такие слухи ходили о Егоре Шахрове, и то это были не столько слухи, сколько их эхо. Кто сказал, где, когда, о ком?.. Так... эхо. Отголоски. То, что ветер принес. А ветер он и есть ветер, за него никто не отвечает. Его к ответу не призовешь.

– О чем задумались, Виталий Анисимович?

Толстяк вздрогнул и испуганно поднял глаза на партнера. Кий в его пухлых пальцах предательски задрожал.

– А? Что вы говорите? Я...

Капельки пота на его лбу покатались к бровям и застряли в них.

«Слизняк... – подумал Шахров, глядя на покрытые красноватыми жилками щеки Виталия Анисимовича. – Трус. Этак он, пожалуй, все дело провалит. Придется позаботиться, чтобы милейший Берг с перепугу дров не наломал».

– Похоже, я проиграл, – вздохнул он, кладя кий на зеленое сукно бильярдного стола. – Извольте получить!

Егор Иванович вытащил из кармана пару сотен долларов и протянул Бергу.

Тот непонимающе уставился на зеленые купюры. Его щеки медленно наливались кровью.

– Берите, Виталий Анисимович, – ласково проговорил Шахров, думая, как бы толстяка не хватил удар. – И обмоем это дельце. Шампанского нам!

Официант в черном фраке принес на серебряном подносе ведро со льдом, в котором стояла бутылка, и широкие фужеры.

Берг чувствовал себя под взглядом Шаха как кролик перед удавом. Стараясь унять неприятную дрожь, он взял фужер и выпил ледяное шампанское. Егор Иванович свое только пригубил. Его глаза оставались напряженно-недобрыми, в то время как губы улыбались.

– В-ваше здоровье, – прохрипел Берг, беря с подноса второй налитый официантом фужер.

– Вынужден вас покинуть, Виталий Анисимович, – слегка поклонился хозяин «Вавилона». – Простите. Дела!

Выйдя из бильярдной, он тут же забыл о Берге. Его беспокоило, что Андрона нигде нет. Парень должен был позвонить в одиннадцать, но так и не сделал этого. Такое с ним случилось впервые. У Шахрова с Андрonom назрел неотложный вопрос, который они собирались решить этим вечером.

– Вадик! – позвал Егор Иванович одного из охранников. – Найди Андрона.

Он сел в глубокое кресло и стал следить за золотыми рыбками, которые лениво шевелили плавниками. Нехорошее предчувствие заставило его несколько раз посмотреть на часы. Была уже половина второго...

– Господина Якимовича нигде нет, – доложил охранник, растерянно улыбаясь.

Вадик, как и вся обслуга, знал, что шеф терпеть не может разгильдяйства и необязательности. Разозлившись на Андрона, он может всыпать любому, кто подвернется под руку. Для острастки. Чтобы порядок знали.

– Я... ему звонил и по домашнему телефону, и на мобильный, – продолжал оправдываться охранник. – Никто не отвечает. М-может, у бабы какой? Выпил... заснул...

– Я вам покажу «заснул», – тихим, сладким голосом сказал Шахров. – Надолго запомните. Подгони машину к запасному выходу.

Вадик как ошпаренный кинулся выполнять приказание.

В целях безопасности и для удобства клиентов, которые желали приходить и уходить незамеченными, «Вавилон» имел несколько выходов. Шахров воспользовался одним из них, чтобы в клубе не знали, уезжал он или нет. Черный «мерседес» бесшумно подкатил к самым дверям. Густо посаженные молодые каштаны и отцветающие кусты сирени обдали Шахрова терпкими запахами, когда он сел в машину. Ехали молча.

Ночной Киев сиял огнями, над Днепром стояли крупные яркие звезды.

– Пойдешь со мной, – сказал Шахров Вадиду, едва они остановились у дома, в котором жил Андрон.

Водитель остался в машине, хмуро глядя вслед идущим к подъезду хозяину с охранником. Ему отчего-то было не по себе. Душная летняя ночь смотрела на них желтым глазом низко висящей луны. Звезды казались невообразимо далекими, чужими и пугающими.

Тем временем Шахров с охранником остановились у двери Андрона. Было тихо.

– Ну, открывай, что ли... – небрежно приказал хозяин, скрывая нетерпение. Кодовый замок поддался без труда, и Вадик вошел первым. В квартире стояли запахи индийских благовоний, которые обожал Андрон; дверь в гостиную оказалась приоткрытой, там работал телевизор.

«Точно, напился и заснул, – подумал об Андроне охранник. – Он какой-то смурной ходил... все о чем-то задумывался. Ну, сейчас шеф ему задаст!»

Вадим, неслышно ступая, подошел к креслу, из-за спинки которого действительно виднелась голова Андрона, и заглянул ему в лицо. Глаза хозяина квартиры, вопреки ожиданиям,

были широко открыты и непонимающе глядели на голубой экран. Вадик не сразу понял, что Андрон мертв.

Шахров молча ждал в прихожей, держа руку в кармане с «береттой». Тишина в квартире, нарушаемая шипением телевизора, действовала ему на нервы.

Вадик пантерой метнулся по комнатам, лоджиям, ванной и кухне. Везде было пусто. На окнах стояли решетки. Андрон был осторожен, как старый опытный волк. Что же случилось? Кто-то из своих?

– Ну, что там? – спросил Шахров, когда охранник, растерянно озираясь, подошел к нему.

– Андрона убили. Он там сидит... мертвый.

– Что?!

– Мертвый он, говорю...

– Пошли.

Они подошли к креслу, в котором сидел Андрон, и недоуменно уставились на него. Ни стреляных, ни ножевых ран, ни крови, ни следов удара на трупе видно не было. На первый взгляд, конечно.

– У тебя перчатки есть? – шепотом спросил Шахров.

– А как же.

– Осмотри его.

Вадик натянул перчатки и осторожно, тщательно осмотрел тело. Ран и ушибов действительно не оказалось. Не обнаружилось на теле и следов от укола шприцем.

– Черт! На отравление не похоже... – пробормотал охранник, оборачиваясь к шефу. – Не пойму я чего-то.

– Давно он?

– Кажись, пару часов есть. Коченеть начал.

– От чего наступила смерть?

Егор Иванович знал, что Вадим закончил четыре курса мединститута, пока его не выгнали за драку.

Охранник задумчиво покачал головой.

– Я бы сказал... внезапная остановка сердца. Только ведь Андрон спортом занимался, никогда на здоровье не жаловался.

– Ладно. Идем отсюда. Утром сообщишь в милицию, анонимно. Посмотрим, что скажет эксперт. Не нравится мне все это!

Глава 2

Солнечный луч медленно подбирался к изголовью кровати, пока наконец не разбудил Иллариона Гусарова, писателя, непризнанного гения, которым он себя считал.

– Не мог бы ты, парень, придумать себе псевдоним поскромнее? – говорили ему режиссеры театров и киностудий, куда он приносил свои пьесы и сценарии.

– Это мои настоящие имя и фамилия! – обижался Илларион.

Он писал о молодежи, о ее мечтах, надеждах и разочарованиях, но, похоже, никого эта тема не интересовала. Пьесы и сценарии накапливались на полках в его рабочем кабинете, что, естественно, не улучшало желчный характер драматурга. Ему приходилось подрабатывать критическими статьями о театральных постановках, сюжетами для комиксов, кукольных спектаклей и прочей дребеденью. И вот наконец он нашел человека, согласившегося ставить его пьесы. Этим человеком оказался режиссер авангардного театра Эрнест Яковлевич Козленко, раздражительный и нервный мужчина средних лет, худой, жилистый, в маленьких круглых очках зеленого цвета, обладающий каким-то женским, но чрезвычайно громким голосом.

– Пожалуй, друг мой, – пищал Козленко, – я возьму этот ваш сценарий, но только с одним условием!

И тут он принимался перечислять, что и где Илларион должен переделать и подправить. Получалось, что переписывать надо было каждую сцену, дабы приспособить ее к вкусам режиссера. Илларион скрипел зубами от злости, но... делать было нечего, и он переписывал. В конце концов, ему нужно было приобретать имя в театральных кругах. А как это сделать, если твои пьесы никто не ставит? Тебя не знает театральный мир, тебя не знают зрители, критика о тебе не пишет, и ты пропадаешь в неизвестности, губишь свой талант на корню! Так успокаивал себя

Илларион Гусаров, работая над очередным авангардным спектаклем для Козленко. Впрочем, это мало помогало. Драматург ненавидел режиссера всеми фибрами своей души, он просто видеть его не мог без содрогания.

– А-а, Илик! – пронзительно визжал Козленко, встречаясь с писателем в коридорах театра. – Прекрасно выглядишь! Ты переделал тот диалог, о котором мы говорили?

Вдобавок ко всему, Эрнест Яковлевич придумал Гусарову эту дурацкую кличку – Илик! – которую тут же подхватили актеры, осветители, гримеры и прочий театральный люд. Они тоже взяли себе привычку обращаться к Иллариону с отвратительной фамильярностью. Илик! Это ж надо! Какой он им Илик, этим соплякам и бездарям! Возомнили себя великими артистами, а сами двигаются на сцене как заведенные куклы и играют насквозь фальшиво!

Словом, драматург терпеть не мог не только Козленко, но и всю его бестолковую труппу, состоящую в основном из молодых выпускников театральных институтов – распущенных, невежливых, нелепо разодетых парней и девушек, с жуткими крашеными волосами, дикими манерами и жаргоном уличных хулиганов. И в таком коллективе ему приходится работать! Ему! Которому должны рукоплескать восторженные зрители столичных театров! Ирония безжалостной судьбы бывает порой невыносима...

Господин Гусаров вел богемный образ жизни, как он считал, – выбросил из квартиры всю мебель, кроме стола для компьютера и книжного шкафа, постелил на пол домотканые половики, расставил низкие кушетки и разбросал бархатные подушки, а стены увешал картинами в духе примитивизма, на которые не мог смотреть без умиления. Он спал до полудня, курил за работой трубку, изредка попивал, что, по его мнению, было присуще творческим натурам. Жениться он не думал, предпочитая иметь дело с длинноногими девочками, которые приходили и уходили – ни хлопот, ни претензий, ни однообразия. В общем, такая жизнь вполне бы его устроила, если бы прибавить к ней побольше денег и, главное, славы. Слава даже важнее!

Иллариону Гусарову иногда снилось, что он идет по Крещатику и все его узнают, оборачиваются и показывают на него пальцем. Да пусть даже так! Пусть вездесущие и нахальные корреспонденты щелкают своими фотоаппаратами и берут у него интервью, а красивые женщины преподносят ему цветы и просят автограф... Пусть! Он согласен нести это тяжкое бремя известности! Лишь бы она наконец пришла к нему!

Размечтавшись подобным образом, особенно неприятно было возвращаться к суровой действительности: насмешкам актеров, придиркам Козленко и маленьким гонорарам, которые выплачивали писателю в театре. Илларион Гусаров тешил себя надеждой, что однажды он проснется знаменитым. Как это будет, он не знал. Но свято верил, что желанный день придет.

«Завтра надо идти в театр!» – закатывая глаза, подумал драматург, и ему сразу захотелось курить.

Коробку с табаком и несколько трубок он держал в комнате, оборудованной как рабочий кабинет – стол с компьютером, ящики с книгами и словарями, книжные шкафы и полки, на которых давным-давно должны были стоять шикарно изданные тома сочинений Иллариона Гусарова, а вместо этого валялись пыльные журналы, газеты и папки с рукописями.

«Чтоб ему пусто было, этому Козленко, – с привычным раздражением подумал писатель, набивая одну из трубок. – Ничего, придет и мое время. Посмотрим тогда, кто из нас дурак!»

Илларион вышел на балкон и глубоко затянулся. Табак он предпочитал легонький, да и курил больше для важности и поддержания имиджа. Он любил подходить к зеркалу и созерцать в нем себя с трубкой и глубокомысленным взглядом бесцветных зеленоватых глазок. Да, внешностью он немного не вышел... но разве в этом дело? С лица воды не пить. Человека что красит? Талант!

Над Киевом стояла теплая летняя ночь, полная неясных шорохов, шума листвы и звуков затихающего города. Небеса блистали мягким светом звезд. Луна была полная, желтая, льющая на дома, проспекты и скверы тревожный свет. Господин Гусаров представил себе, как

он мог бы описать всю эту торжественную, тихую картину ночного города в темно-синих и бархатно-черных тонах: и эту луну, низкую и огромную, как золотое блюдо, и эти мерцающие звезды, и свое ощущение... волнения и страха, подкрадывающееся прямо с этого напряженно сияющего неба.

– Что за странные фантазии? – пробормотал Илларион, выпуская очередную порцию дыма. – Козленко таких «красот» в тексте не одобрит. Скажет, что это «декадентские штучки» и «белогвардейщина».

Все, что режиссеру не нравилось, он называл «белогвардейщиной». Козленко считал себя революционером театра и всех, кто не вписывался в его рамки, обзывал «пережитками прошлого» или «отрыжкой Российской империи». Оригинально выразиться было частью той игры, которую он старательно вел перед зрителями, критиками и труппой. Козленко одевался во все черное: бесформенные штаны наподобие мятых шаровар, рубашка-косоворотка, свисающая чуть ли не до колен и поверх нее – кожаная жилетка. Прическа ежиком и круглые зеленые очки на носу довершали его «авангардный» вид. Режиссеру было около сорока, но благодаря худобе и какой-то нервной вертлявости он походил на староватого юношу. Его пронзительные вопли по малейшему поводу делали его предметом добродушного подшучивания. Кличка Козел приклеилась к нему скорее из-за жидкой бородки и особого подпрыгивания при ходьбе, нежели из-за фамилии. Хотя... она сыграла в этом не последнюю роль.

Илларион с ненавистью вспомнил прыжки Козленко во время репетиции, когда некоторые реплики казались ему слишком слащавыми или, наоборот, излишне резкими. Режиссер поворачивался к автору и, сдвигая очки на лоб, требовал очередных изменений в тексте.

– Это надо переделать! – вопил он. – Непременно переделать! У нас авангардный театр, а не литературная гостиная княжны Таракановой!

«Княжна Тараканова» служила в его устах ругательством, которым он награждал молоденьких актрис. Других Козленко в труппе не держал, считая, что чем человек старше, тем труднее он воспринимает новые веяния.

– Господи! – взмолился драматург, поднимая глаза к темному, бездонному небу. – Как он мне надоел, этот Козел! Как он мне осточертел! Вместе с его дурацким театром и сопляками-актерами, которые похожи на придурков!

Ему вдруг захотелось бросить всю эту мышиную возню со сценариями, пьесами и репетициями и заняться чем-то серьезным, значительным, что принесет ему настоящую славу, а не бесконечные унижения и разочарования.

«А не написать ли мне роман? – подумал Илларион, холодея от предчувствия удачи. – Такой, чтоб у всех дух захватило! Фантастический роман! Вот что сейчас нужно! Завтра же займусь...»

Долгий зевок свел ему челюсти. Господин Гусаров посмотрел на часы: они показывали половину второго. Ему давно пора спать, а не топтаться на балконе! Трубка потухла, но писатель даже не заметил этого. Обдумывая шедевр, который ему предстоит написать, он поплелся в гостиную и улегся прямо на пол, покрытый бархатными подушками. Сладкая дремота смежила его веки, и Гусаров окунулся в неведомый и прекрасный мир, звенящий медными трубами славы. Он видел себя титаном, наподобие великого Микеланджело Буонарроти, создающим уникальные произведения искусства. Из-под его гениального пера выходят роман за романом, которые идут нарасхват. Издательства наперебой предлагают ему выгодные контракты, критики захлебываются от восторга, читатели берут штурмом лотки и книжные магазины, а Козленко – ненавистный идиот – становится от зависти еще более зеленым, чем его идиотские очки!

– Его уже забрали, – доложил Вадик, который успел сделать анонимный звонок в милицию и проследить, как тело Андрона погрузили в «скорую» и отправили в морг.

Господин Шахров барабанил пальцами по столу, что служило признаком волнения.

«Чего это он?» – подумал Вадим.

Все знали, что Шах был жестким, хладнокровным и безжалостным. Его мало трогала судьба «братвы». Правда, Андрон был рангом повыше, но все равно... Да и смерть, похоже, естественная.

– У Якимовича родственники есть? – поинтересовался Егор Иванович, убирая руки со стола и откидываясь на спинку кресла.

– Кажись, мать... где-то в Юхновке.

– «Кажись»! – недовольно передразнил Шахров. – Когда разговаривать научитесь как следует? Шантрапа... Ты ж в институте как-никак образование получал. Да еще в медицинском! А теперь и вовсе... в приличном заведении служишь. Я в «Вавилоне» дурного тона не потерплю. Это вам не рынок, не харчевня и не стадион! Понял?

Охранник торопливо кивнул, нервно сглатывая. Он знал, что Шах ненавидел вульгарщину и на жаргон переходил крайне редко, только во время серьезных разборок. От всех, кто работал в «Вавилоне», требовались безукоризненная вежливость и чуть ли не аристократический лоск.

– На, возьми! – сказал Шахров, вытаскивая из ящика стола пачку денег. – Съездишь в морг, договоришься, чтобы вскрытие сделали срочно, не тянули. И сообщишь причину смерти.

– Ладно.

Вадим не сомневался, что Андрон умер от остановки сердца, и беспокойство шефа его удивляло. Но ни спорить, ни возражать охранник не стал. Лучше выполнять, что приказано.

– Так где, говоришь, у него мать?

– В Юхновке, – пробормотал Вадим.

– Надо сообщить. И займись, пожалуйста, подготовкой к похоронам.

– У Андрона мать... пьющая. Вряд ли она приедет.

Охранник хотел сказать «алкоголичка», но вспомнил предыдущий выговор и выразился иначе.

– Тем более. Поедешь и привезешь ее.

Шахров вроде бы сказал все, но не отпускал Вадима, продолжая смотреть на подставку для ручек в виде бронзового орла. Тревожные мысли, которым он не находил объяснения, витали в его голове и не давали перейти к обычным каждодневным делам.

– Кто из ребят был особенно близок к Андрону? – спросил он.

Охранник бестолково молчал, почесывая бритый затылок.

– Вроде никто. Так, по делам общались, а друзей у Андрона не было. Он один любил быть, сам по себе.

– А женщина? Была у него женщина?

– Телок он не жаловал. Так, иногда... для здоровья.

Егор Иванович поморщился, но делать второе замечание по поводу «некультурных выражений» не стал.

– Выясни, с кем Андрон в последнее время встречался.

– Будет сделано, Егор Иванович... О! – Вадик хлопнул себя по лбу и просиял. – Вспомнил! Андрон пару месяцев назад с Эдом вроде как сошелся. В киоск к нему зачастил, и домой... Я сам несколько раз подвозил.

– Эд? Кто это?

– Киоскер! То есть продавец в киоске с «горючкой». Со спиртным, – поправился охранник и покраснел.

– Ну? Говори толком.

– Так я же говорю... Андрон начал им интересоваться. Не знаю, по какому поводу.

– Этот киоск чей? Эда?

– Нет, что вы. Это наш киоск, то есть Андрона.

Вадим нервничал, боясь проявить себя перед Шахом бестолковым мямлей, и оттого путался и отвечал невпопад. Страх делал с ним то, чего он как раз и пытался избежать.

– Может, Андрон заезжал к Эду по делам? За выручкой, например.

Охранник пожал плечами.

– Я думаю... У Эда есть сестра. Я ее один раз видел. Ничего особенного. Но Андрону, кажется, она понравилась. Вдруг он решил приударить за ней?

– Приударить? – удивился Шахров. – Что-то я за Якимовичем интереса к женщинам не замечал!

– Во-во! И мы с Саньком не поняли. Чего он в ней нашел? – охранник помолчал. – Как же ее зовут? Ксения, по-моему... Точно, Ксения.

– Замужняя?

– Нет. Она художница. Эд рассказывал, что сестра помешана на живописи, и вообще... не от мира сего. Ну, художники, музыканты или артисты, они все чокнутые. Творческие люди! Для них что-нибудь выдумывать, прикалываться – обычное дело.

«Интересно. А я и не знал, что Андрон влюбился, – подумал Егор Иванович, отпуская охранника восвояси. – Странно... Он от меня ничего никогда не скрывал».

Шахров вспомнил, как они с Андроном познакомились. Это случилось в лесу, на разбитой, ухабистой грунтовке. Шел дождь. Егору Ивановичу было плохо. То, что ему удалось добраться до дороги, само по себе казалось чудом. В его жизни всякое бывало – и опасное, и таинственное, и обыкновенное. Тогда в лесу он оказался неспроста. Старые долги тянули за собой необходимость периодически устраивать «разборки». Уголовное прошлое нет-нет да и давало о себе знать. Глубоко личное, давно похороненное на дне памяти неожиданно всплывало, проявлялось в самый неподходящий момент. Вот и в тот раз пришлось идти на встречу одному. Чего-то не учел, что-то сорвалось, пошло не так... Шахров помнил только, как ощутил горячий толчок в боку, а потом удар о землю. Это уже потом, позже, придя в себя, он понял, что его пытались убить: ударили ножом и выбросили из машины. Как и сколько он полз под дождем, неизвестно. Выходит, если бы не Андрон, решивший съездить за медом на дядиной машине, быть бы Шахрову покойником. Он и так потерял много крови, долго лечился, еле вернул себе былую форму.

В том злополучном лесу, оказывается, располагалось что-то вроде пасеки. Какой-то умелец собирал дикий мед и продавал желающим, а потом поставил на полянке несколько ульев. Подробности Шахров узнал со слов Андрона. Дескать, жена дядькина приболела, вот он и попросил «внучатого племянника» съездить за медом и даже дал ему свою машину. Родство у них получалось седьмая вода на киселе, но Петр Афанасьевич приехавшего из провинции парня пригрел, кормил, поил и искал работу. Андрей, в свою очередь, пытался хоть чем-то услужить городским родственникам. Вот и отправился в дождь и слякоть по плохим дорогам за диким медом для тетки. Но не доехал. Природная внимательность, умение замечать всякую мелочь сослужили свою службу: сквозь дождевые потоки, начинающиеся сумерки, деревья и кусты Андрей сумел разглядеть лежащего на земле мужчину, остановился, подошел... Человек был еще живой, но без сознания. Его пиджак намок от крови. Недолго думая парень подхватил раненого на руки, отнес в машину и положил на заднее сиденье. Обрато в город гнал по скользким, мокрым дорогам, на свой страх и риск.

Мужчина пришел в себя, велел в больницу не ехать, а везти его по такому-то адресу. Андрей сделал все, как его просили, – доставил раненого куда следует, раздел его, вымыл как мог и отправился за врачом. В намокшем от крови кармане пиджака нашелся пухлый, набитый долларами бумажник, из которого Андрей черпал средства на еду, лечение и плату врачу за молчание. Рана, по словам доктора, была не особо серьезная, нанесена вскользь, но крови вытекло много, и это являлось основной опасностью для жизни.

Так Егор Иванович Шахров оказался обязанным Андрону жизнью. А долги надо платить. Во всяком случае, Шахров к этому относился ответственно, воздавая каждому по заслугам – за добро платил добром, а за зло... «Бог мне судья! – любил повторять Егор Иванович. – Перед ним и ответ держать буду». Кстати, Андрон парня стал называть именно он, и с его легкой руки прозвище подхватили остальные, в том числе и сам Андрей.

Пока рана полностью не затянулась, Егор Шахров предпочитал оставаться на никому не известной квартире в окраинном районе Киева. Андрон ухаживал за ним: варил бульоны, бегал по магазинам, привозил и увозил врача.

– Ты чем занимаешься, парень? – спросил Шахров, когда ему полегчало. – Работа есть?

– Не-а... – покачал головой Андрон. – Петр Афанасьевич обещал устроить.

– Это кто ж такой?

– Племянник моей бабушки.

– Шутишь?

– Да нет, правда... Я из Юхновки приехал, он разрешил пожить у него, пока не найдется работа. Он адвокат.

– Ясно. Ты ему ничего про меня не рассказывал?

– Зачем? – удивился парень. – Я вернул ему машину, объяснил, что встретил бывшего одноклассника и поживу месяцок у него. По-моему, дядя обрадовался. Как ни крути, а я их с теткой стеснял. Они мне вообще-то не дядька с теткой, но... надо же их как-то называть.

Егор Иванович успокоился. Вот такой обычный паренек из маленького, захудалого городка ему и нужен. Ни знакомых, ни старых связей у него в Киеве нет, и это очень, очень хорошо. Просто отлично.

В жизни Шахрова было много «темных пятен». Иногда обстоятельства складывались как в том несчастливом для него лесу... и не попадись тогда на дороге Андрей... Парня отпускать нельзя. Из него может получиться прекрасный помощник, при соответствующей обработке, конечно.

– Ты что делать любишь? – поинтересовался Егор Иванович.

– Рыбу ловить! – выпалил Андрей. – И телик смотреть!

Шахров не мог сдержаться и долго смеялся, морщась от боли.

– Я не о том, – отсмеявшись, пояснил он. – Я о работе.

– А-а... даже не знаю. Наверное, мне с машинами возиться нравится. Дядя Вася научил.

Кто такой дядя Вася, Шахров выяснять не стал и сразу предложил:

– В автомастерскую пойдешь? Я договорюсь.

Андрей согласился. Так началось его сотрудничество с Шахом. Давно это было... Почитай, лет двенадцать минуло. Андрон поднимался по «служебной лестнице» медленно, но уверенно. Он был не слишком умен, зато предан Шаху как собака. Егор Иванович взлетел так высоко, что голова кружилась. Вместе с ним росли и его люди. Андрон, например, стал коммерческим директором целой сети мелких фирм, отмывающих деньги, возмужал, набрался опыта, приобрел солидность и неторопливую обстоятельность, которые нравились Шахрову. Они были друзьями, если такое явление могло существовать между людьми настолько разных уровней, как Андрон и Шах. Тот дождливый вечер в лесу, когда Андрей еле полз по дороге на старой «волге» адвоката Якимовича, а Егор Шахров валялся в грязи, истекая кровью, – по настоящему сблизил их.

Егор Иванович никогда не был женат. Его род занятий исключал длительные привязанности. Имея жену, детей или даже постоянную любовницу, он становился уязвимым для своих недругов и конкурентов. Близкие, любимые люди могли стать его слабым местом, той ахиллесовой пятой, на которой его старались бы подловить и оказать воздействие. А так господину Шахрову было не о ком беспокоиться, кроме себя. Смерти он не боялся, а расчетливость и хладнокровие помогали найти в любой ситуации правильное решение. Чем выше он подни-

мался, тем меньше было «наездов». Они стали реже, но и гораздо круче. Тут уж не зевай, не то без головы останешься! Впрочем, такая жизнь господину Шахрову была по душе. А женщины... они, разумеется, были. Как же без них? Но в основном приходили и уходили, забывались, исчезали, как прошлогодний снег. Егор Иванович делил с ними только постель. Больше ничего. Совсем.

Наверное, Андрон подражал в этом своему благодетелю. Скорее всего, он видел в Шахрове отца, которого в жизни у него не было. Они никогда не обсуждали тему женщин – само собой предполагалось, что это не заслуживает внимания. Бабы – это несерьезно. Суета сует, блажь, в которой не дай бог увязнуть. Получалось, что Андрон таки увяз...

Смерть помощника подействовала на Шаха сильнее, чем он мог ожидать. Андрон был молодым, здоровым, сильным мужиком, который ни разу ничем не болел, кроме насморка. Месяц назад он отмечал в «Вавилоне» свое тридцатилетие. И вдруг... Какая нелепость!

Что-то в этом всем настораживало Егора Ивановича, не давало покоя. Может, несколько разломанных сигарет, которые валялись у кресла, в котором сидел покойник? Значит, Андрон волновался. Ну и что? Не до такой же степени он дал волю эмоциям, чтобы умереть? Это просто абсурд. Андрон не сопляк какой-нибудь, не раз бывал в серьезных переделках, участвовал в разборках, подвергался опасности... Ему подобное не впервой. Что же, выходит, он от любви умер?

Бронзовый орел с громким стуком упал на стол. Оказывается, господин Шахров все это время крутил его в руках. Глупое предположение рассмешило и вместе с тем озадачило Егора Ивановича.

Однако надо будет познакомиться с этой Ксенией.

Глава 3

Филипп любил возвращаться с работы домой, где его ждали Юля и сын. Это был его второй брак, вопреки прогнозам счастливый.

В первой семье Филипп Чигоренко, руководитель крупной сырьевой компании, потерпел полное поражение. Бизнес удавался ему куда лучше, чем семейные отношения. Его супруга Илона, с виду хрупкая и интеллигентная девушка, оказалась настоящей хищницей. Несмотря на гуманитарное образование, характер у жены был воинственный и агрессивный. Внешне Чигоренко выглядели красивой парой: высокий, стройный, спортивного телосложения Филипп и тонкая, гибкая, длинноногая Илона с нежной кожей и светлыми волосами. Ее родители считали Филиппа плебеем, выскочкой, которому невероятно повезло с женитьбой. Он обеспечивал супругу, которая ни одного дня не работала, ее брата с женой и родителей. Они же, принимая деньги, продукты и разные услуги, оказываемые зятем, делали вид, что это большое одолжение с их стороны. Кроме того, у тещи и тестя нашлось много ближней и дальней родни, которая постоянно в чем-то нуждалась: то их нужно было устраивать в учебные заведения, то на работу, то на лечение, то одалживать немалые суммы, то подыскивать выгодные должности, то... Словом, Филипп с утра до вечера был озабочен делами многочисленной семьи. Он не знал ни сна, ни отдыха. Этот изнурительный марафон продолжался шесть лет.

В один из дождливых осенних дней господин Чигоренко, принимая третью таблетку от головной боли, едва не взвыл от отчаяния. Как же ему все это надоело! Вечные звонки, просьбы, улаживания, долгие разговоры, пустая беготня... Илона никогда его не любила, она его просто использовала. Он по-прежнему оставался чужим для нее, в отличие от ее родни. Внезапно Филипп понял, что весь этот кошмар можно прекратить одним махом.

После работы он заехал в гастроном, купил вина, закуски и явился домой в странно приподнятом настроении.

– У нас какое-то торжество? – поинтересовалась Илона.

Она приняла ванну и собиралась ложиться спать.

– Поужинаешь со мной? – спросил Филипп.

– Ты же знаешь, что после восьми часов я не ем! – раздраженно ответила жена.

Илона неустанно заботилась о своей красоте, сидела на различных диетах, ходила на шейпинг и массаж. Филипп не видел в этом большого проку.

– Тогда просто посиди со мной, – попросил он. – Разговор есть.

– Да? – оживилась супруга. – Очень кстати. Я как раз собиралась тебе сказать, что племянник тети Веры уволился из банка. У них там сокращение или что-то в этом роде. Так что...

– Мы разводимся, – без всякого выражения сказал Филипп.

– Что?

У Илоны округлились глаза, а на щеках выступили красные пятна.

– Мы разводимся, – повторил Филипп, наливая в бокалы вино. – Я с тобой или ты со мной. Как тебе больше нравится.

– Что? – снова спросила жена, как будто все остальные слова вылетели у нее из головы. – Нас пригласили на день рождения к маминой сестре, тете Поле. Это будет завтра. Подарок я куплю, а ты...

– Илона, – устало вздохнул Филипп. – Ты слышала, что я сказал? Я развожусь с тобой!

– У тебя есть другая женщина?

Он покачал головой.

– Нет. Просто я не хочу больше жить с тобой, вот и все.

Спустя два месяца, в зале суда, ему все еще казалось, что Илона так ничего и не поняла. На ее красивом лице застыло выражение безграничного удивления, которое осталось, когда они вышли на улицу. С неба валил мокрый снег. Тротуары покрылись грязной кашей, с деревьев срывались и падали вниз рыхлые белые комья. Бывшие супруги пошли в разные стороны не оборачиваясь.

Филиппу исполнилось тридцать три года, и он не собирался жениться во второй раз. В браке он заработал невроз и сердечную болезнь, которую лечил у знаменитого кардиолога профессора Мудрыка. То ли лечение помогло, то ли наступивший покой, который буквально оглушил Чигоренко, но болезнь отступила. К Филиппу вернулись былая радость жизни, интерес, здоровье – все, кроме влечения к женщинам.

Следующие пять лет он посвятил карьере и весьма в этом преуспел. Должность директора «Геополиса» оказалась достойной наградой за усердие в делах. Филипп приобрел загородный дом и перебрался в него из киевской квартиры, где все напоминало ему об Илоне. Он сутками пропадал на работе, а выходные проводил на природе: ловил рыбу, гулял по лесу, стараясь не вспоминать о прошлом, не думать о будущем. И все же чего-то не хватало в налаженной, обеспеченной и насыщенной событиями жизни господина Чигоренко.

Однажды вечером, когда Филипп пил чай на застекленной террасе, зазвонил телефон. Знакомая медсестра, шмыгая носом и всхлипывая, сообщила о скоропостижной смерти профессора Мудрыка. Бронислав Архипович много сделал для Филиппа; они сблизились не столько на почве болезни, сколько благодаря философским беседам и обменам идеями по поводу жизни и тех проблем, которые она преподносит.

Стояла теплая осень, с прозрачными небесами, желтизной листвы и летающими паутинками бабьего лета. Филипп заказал венок из живых цветов и отправился на кладбище. Под ногами шуршали разноцветные листья; солнце, уже по-осеннему бледное, светило сквозь оголенные ветки, золотило вязь крестов и оград, пыльный мрамор надгробий. Было много венков, цветов и траурных лент. Потрескивали свечи, священник с седой бородкой заунывно читал

молитвы, помахивал серебряным кадиллом. Пахло хвоей, землей и прелой листвой. Рядом с Филиппом приглушенно рыдала сгорбленная старушка в черном, монотонно шептались коллеги профессора. Около могилы стояла молодая женщина в темных очках и шарфе из черного газа. Она не отрываясь смотрела, как двое рабочих споро засыпали гроб землей. Внезапно женщина покачнулась и едва не упала.

– Вам плохо? – спросил Филипп, подхватывая ее.

– Помогите мне выйти отсюда, – сдавленно сказала она и заплакала.

– Я на машине. Куда вас подвезти?

Женщина назвала адрес, и Филипп отвез ее домой. Так он познакомился с Юлей Горячевой, своей будущей женой. Впрочем, тогда он ни о чем таком не думал. Просто обратил внимание на ее несчастный вид, испугался, что она может упасть прямо в не зарытую еще могилу...

– О чем ты так задумался? – спросила Юля, улыбаясь.

Оказывается, он давным-давно стоит в дверях собственного дома, глупо хлопая глазами.

– О нас с тобой! – сказал Филипп, обнимая жену и целуя ее в щеку. – Когда я думаю о нас, весь мир перестает существовать для меня. А где Алешка?

– Не дождался и уснул.

В первом браке у Филиппа не было детей, и, когда у них с Юлей родился сын, Чигоренко понял, что страница его предыдущей жизни закрыта навсегда. Теперь у него настоящая семья – он сам, жена и ребенок. Мальчика назвали Алексеем, в честь отца Филиппа, горного инженера Чигоренко. Ребенок часто болел, и Филипп благословлял судьбу, что Юля врач и нет необходимости беспокоить участкового и метаться по больницам. Он неоднократно предлагал жене оставить работу в ведомственной поликлинике, но та не соглашалась. Когда Лешке исполнилось полтора годика, пришлось нанимать няню, а Юля вернулась на свое место терапевта в отделении реабилитации летного состава.

Юлия Марковна уже ни на что не надеялась, когда на похоронах профессора Мудрыка встретила с Филиппом. Такой роскошный мужчина обратил на нее внимание впервые в жизни. Она и думать не смела о *таком* муже. В юности за ней ухаживали мальчики, но как-то вяло. Потом, будучи студенткой, она тоже не пользовалась особой популярностью у сокурсников. И только на работе, в ведомственной поликлинике летчиков, у нее состоялся первый серьезный роман с одним из пациентов. Юле даже не хотелось вспоминать, чем все закончилось.

Единственный человек, с которым она делилась всеми радостями и печалью, была Ксения, давняя подруга. Девочки жили в одном доме и ходили в одну школу. Родители Юлии и Ксении дружили. Они были строителями и вели кочевой образ жизни. А когда грянули политические и экономические перемены, подались на заработки. Юлины – в Индию, на строительство электростанции, а Ксенины – на север России. Так что большую часть времени девочки были предоставлены сами себе и Юлиной бабушке, которая присматривала за тремя детьми – Юлей, Ксеньей и Эдиком. Самой старшей в этой тройке была Юля. Ксения родилась на два года позже, а Эдик был младше сестры на четыре.

Шло время. Расцветали и отцветали каштаны; в ботаническом саду, куда ходили гулять девочки, подрастали магнолии и другие диковинные деревья; дожди сменялись снегом, весны приносили с собой острый запах акаций. Подружки зачитывались модным тогда Булгаковым, горячо обсуждали первые сердечные тайны. Юля поступила в медицинский, а Ксения продолжала ходить в школу и одновременно в художественную студию. Она любила рисовать, и живопись стала основным ее увлечением. Такая разница в интересах немного охладила их дружбу, но не надолго. Потом родители Юли купили на заработанные деньги новую квартиру в центре Киева, а Ксения с Эдом остались жить в старом доме. Встречаться стали реже – только на праздниках и днях рождения.

Юля всегда опекала Ксению как более старшая и опытная, давала советы, «наставляла на путь истинный». С молодыми людьми у обеих девушек отношения не складывались. Эд смеялся над ними, называл «зазнайками» и «недотрогами». Они отшучивались и как будто не обращали внимания, но в глубине души каждая задумывалась. Ксению мужчины не интересовали, и ей это казалось странным и неестественным. Юля, наоборот, мечтала о романтических чувствах и никак не могла встретить того, кто мог бы разделить их с ней. То, что предлагали ей мужчины, с которыми она знакомилась, отталкивало, казалось грубым, пошлым и слишком обыкновенным.

– Принцев ищете? – ехидно спрашивал Эд. – Ну-ну...

Юля решила, что с замужеством спешить не стоит. Опыт подруг не то чтобы разочаровывал, а просто пугал ее. Профессор Мудрык, хороший знакомый Юлиных родителей, помог ей устроиться на работу и стал для нее чем-то вроде дедушки. Старый доктор был одинок: он жил своей кардиологией, больными и их проблемами, забывая о себе. Юля разбудила в нем сожаления об ушедшей молодости. Теперь он мог быть ей только коллегой и советчиком, «жилеткой для слез». Он всегда выручал ее, поддерживал в минуты душевной слабости, которые случаются у каждого человека, а у одиноких женщин тем более. И даже его смерть оказалась для Юли благом, потому что именно это печальное событие столкнуло ее с Филиппом.

Она влюбилась сразу, боясь поверить в свое счастье и даже не особенно рассчитывая на взаимность. Филипп Чигоренко был великолепен, неотразим – полностью состоявшийся в жизни мужчина, зрелый, красивый, умный, обеспеченный и неженатый. Вернее, разведенный. Но это Юля узнала гораздо позже. Да и какая разница?

Одиннадцать месяцев ухаживания прошли для нее как волшебный сон, который она боялась спугнуть. Когда Филипп предложил пожениться, Юле показалось, что все ее ангелы радостно вздохнули и захлопали в ладоши. Она не думала о браке – была согласна стать его любовницей, если он только захочет, встречаться тайком, прятаться, ни на что не рассчитывать... Но судьба оказалась к ней милостива.

– Венчаться будем? – спросил Филипп, улыбаясь.

– Если хочешь...

Он беззаботно махнул рукой, обнял ее и поцеловал.

– Я и так буду тебе предан телом и душой! Пока смерть не разлучит нас.

Юля и Филипп расписались, когда березы начали желтеть и повсюду цвели астры и хризантемы. В воздухе носилось то особенное ожидание счастья, которое так трудно передать словами...

– Не буду переделывать! – заявил Гусаров, приняв независимую позу и сложив руки на животе. – Можете выбросить эту пьесу на помойку, если хотите. С меня хватит!

Как только у автора с режиссером начиналась перепалка, актеры принимались шептаться и обсуждать текущие дела. Они по опыту знали, что это надолго.

Козленко приподнял очки и вытаращил глаза. Такой наглости Илларион еще ни разу себе не позволял. Что это с ним? Может, не проспался с перепоя?

– Как-как? – спросил Эрнест Яковлевич и приложил ладошку к уху. Этот жест выражал у него презрительное недоумение. – Повторите, голубчик.

– У вас что, со слухом плохо? – небрежно поинтересовался драматург, ничуть не пугаясь. – Ну, раз так... пожалуй и повторю. Ни одной реплики, ни одного эпизода я больше переделывать не буду! Вы меня поняли? Или ставьте как есть, или идите...

За этим последовал такой поток отборной нецензурщины, что актеры примолкли и начали прислушиваться.

У Козленко аж борода затряслась от возмущения. Какой-то писака, чертов бумагомаратель смеет так с ним разговаривать! Это неслыханно!

– Вы... вы что себе позволяете? – завопил режиссер, срываясь на визгливые нотки. – Вы... наглец! Басурман! Идол тмутараканский!

Лексика у господина Козленко была нестандартная и, можно сказать, изысканная. Актеры с наслаждением слушали, забыв про свои сплетни, а Илларион Гусаров, как ни в чем не бывало, стоял на своем.

– Не буду переделывать, и все! Мне нравится, как я это написал.

– Да я вас на улицу выгоню, гений вы наш! – брызгая слюной, вопил в ответ режиссер. – Вы еще на коленях приползете, умолять меня будете!

– Вот уж нет! – уверенно заявил Гусаров, самодовольно улыбаясь. – Не дождетесь!

«Чего это он так осмелел? – удивленно подумал Козленко. – Может, его конкуренты переманили? Пообещали больше платить, вот он и кочевряжится, надеется, что я его сам выгоню».

Тут Эрнест Яковлевич вспомнил, что репетирует пьесу проклятого Иллариона уже месяц и что затрачено много усилий – актеры почти знают текст, неплохо справляются с ролями; сам он тоже изрядно попотел, работая с ними. Все довольно неплохо получается, и вдруг покладистый и безотказный автор как с цепи сорвался. Творческий психоз у него, что ли? Уперся, как осел, и ни в какую не хочет слушать «папочку».

«Папочкой» режиссера называли, когда второе его прозвище – Козел – казалось излишне резким и неоправданным.

– Давайте договоримся, – смягчился Козленко, понимая, что отказываться от такой чудной авангардной пьесы, как «Кувырок вперед», ему не хочется. – Можно же найти компромисс?! Зачем так сразу рубить с плеча? Это неразумно, дорогой Илларион.

– Ни на какие соглашения я не пойду! – продолжал гнуть свое господин Гусаров. – Нужно уважать автора, в конце концов! Попробовали бы вы Льва Толстого заставить переделывать. Он бы вам всем показал, чего вы стоите!

Эрнест Яковлевич задумался. Действительно, Лев Толстой какого-то там Козленко уж точно слушать не стал бы.

– Ну, вы, батенька, хватили! – растерянно улыбнулся режиссер. – Лев Толстой! Тот, конечно... талант, признанный мастер слова. Нашли с чем сравнивать!

– Дайте сюда! – подпрыгнул драматург как ужаленный. – Я порву эту бездарную пьесу, раз она недостаточно хороша для вас!

Он схватился за папку со сценарием, которую Козленко держал в руках, и принялся тянуть ее к себе. Режиссер не выпускал. Не хватало еще порвать пьесу! Илларион окончательно рехнулся.

– Принесите воды! – завизжал Эрнест Яковлевич, защищая папку с пьесой своим тщедушным телом. – Скорее!

Господин Гусаров продолжал наступать, а Козленко – пятиться, опешив от такого напора. Он никогда не видел писателя в ярости, и это зрелище почти парализовало его.

Один из осветителей схватил со стола графин с водой и вылил ее на голову Иллариона. От неожиданности драматург выпустил папку; Козленко с торжествующим воплем отскочил от него и побежал вон из зала. Господин Гусаров фыркнул, отряхнулся, оттолкнул осветителя и ринулся следом.

Актеры, затаив дыхание, следили за тем, как развиваются события. Они диву давались, что произошло с робким и заискивающим автором. Взбесился человек! И то правда, «папочка» его достал своими придирками.

Тем временем Гусаров ломился в кабинет режиссера. Тот захлопнул дверь, но был не уверен, что этого достаточно. Уж больно писатель расвирепел. А люди в состоянии аффекта способны на все что угодно.

– Откройте немедленно! – требовал Илларион, толкая дверь плечом. – Отдайте мне мою пьесу! Я больше не желаю иметь с вами дела! Вы... жалкий завистник, который пытается уни-

зитель автора. «Кувырок вперед» слишком хорош для вас! Я отнесу его в другой театр, где меня смогут оценить по достоинству.

«Вот оно что! – думал Козленко, подтаскивая письменный стол к двери. – Я правильно догадался: Иллариона переманили! Кто же эти бандиты?»

Он уже забыл, как неоднократно внушал драматургу, насколько тот непрофессионален и какие негодные у него тексты. Выходило, что Козленко делает величайшее одолжение, ставя в своем театре отвратительные, скучные и бессодержательные пьесы Иллариона Гусарова. Отчасти режиссер так и думал, но... его авангардный театр процветал, привлекал зрителей, и спектакли имели успех. Значит, не так уж плох автор...

– Я увеличу ваши гонорары! – крикнул через дверь Козленко. – Вдвое! Вас это устроит?

– Ха-ха-ха! – саркастически расхохотался Гусаров. – Плевал я на ваши подачки! Подавитесь вы ими, милейший Эрнест! Меня ждет большое будущее. Я вообще не собираюсь больше писать пьес. Мне надоело играть в массовке. Я хочу выходить на сцену главным героем. Вы слышите, Козленко? Главным героем!

«Он рехнулся, – подумал режиссер. – Спятил! Наверное, от водки. Или съел чего-нибудь. Надо вызвать „скорую помощь“».

Козленко метнулся к телефону и набрал номер «скорой».

– Алло! Алло! – возбужденно зывал он. – Приезжайте немедленно! Человеку плохо...

– Что с ним? – спросил равнодушный женский голос.

– Он... дверь ломает...

– Вызывайте милицию! – без тени волнения посоветовал голос, и в трубке раздались гудки.

– Девушка! Девушка! – заорал Козленко, вздрагивая от каждого удара в дверь. – О, черт! Дура!

Он снова набрал номер «скорой».

– Прекратите хулиганить! – раздраженно сказала дежурная и положила трубку.

За дверью послышалась громкая возня и крики Иллариона.

– Вы мне надоели! – вопил он. – Я ухожу! Покидаю вас в вашем невежестве. Меня ждет работа. Настоящая работа! Прощайте!

Наступила тишина. Некоторое время Козленко прислушивался, но за дверью все смолкло. Шаги Иллариона отдалялись, и, наконец, хлопнула дверь в фойе театра. Как режиссер ни напрягался, больше из коридора не донеслось ни звука. Он еще подождал минут десять и начал осторожно отодвигать стол. Выглянув в щелку, Эрнест Яковлевич убедился, что коридор пуст.

Спустя час господин Гусаров вернулся в свою квартиру, которая теперь показалась ему убогой и безвкусно обставленной. Авангардный стиль совершенно не нравился писателю, и он убедился, что плясал все последние годы под чужую дудку. Но с этим покончено! Он знает, что шедевр уже зреет в его воображении и осталось буквально несколько дней, чтобы начать писать потрясающий роман. Это будет триумф его таланта, апофеоз его непризнанного творчества. Все ахнут! Особенно Козленко.

Илларион вдруг понял, что злость на режиссера прошла, исчезла бесследно, испарилась. Его мысли занимало совершенно другое – то новое и неизведанное, что снизошло на него той благословенной ночью, полной загадочного и тревожного мерцания звезд, летнего ветра и запаха фиалок...

Писатель зевнул. Захотелось спать. Хотя он так рано никогда не ложился, сил бороться со сном не было. Господин Гусаров еще успел снять туфли и добраться до дивана, прежде чем Морфей окутал его своим туманным покрывалом. И сразу на все вокруг опустились ночь и тишина...

Иллариону снились звездные скопления, инопланетные корабли, какие-то газовые туманности, кометы, метеоритные дожди и далекие галактики. Ведь он должен написать обо всем этом чуждом ему мире так, как будто сам видел и переживал подобное. Иначе ничего не получится.

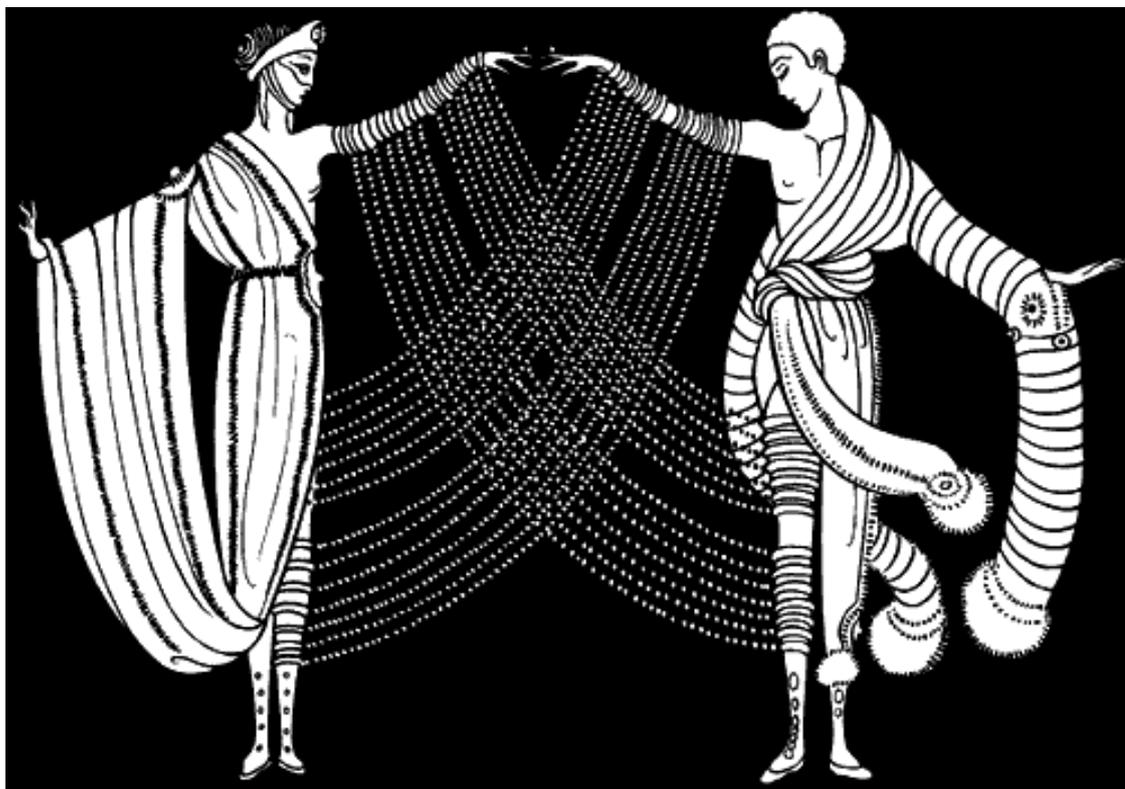
Утром господин Гусаров никак не мог сообразить, где он находится. Он моргал глазами, вертел головой из стороны в сторону, потом сел и уставился в окно. Форточка была открыта, и через нее доносились воробьиное чириканье, шум машин и трамваев, чьи-то крики. Рядом с домом строили большой магазин, и крики раздавались оттуда. Что-то сгружали, высыпали, переносили с места на место... Илларион как бы раздвоился: он был одновременно и во сне, и наяву. Глаза его отражали привычный, знакомый ему мир, тогда как внутри себя он продолжал видеть черные космические дали, полные чужих солнц и планет, какие-то размытые образы незнакомых существ...

«Что же я сию? – с отчаянной решимостью подумал он. – Ведь так я все забуду! Мне немедленно надо встать, идти и записывать, записывать...»

Пошатываясь, Гусаров поднялся – не умываясь, не напившись по своему обыкновению чаю, – включил компьютер, придвинул к себе клавиатуру и... с ужасом осознал, что все напрочь вылетело у него из головы. Никаких картин, никаких образов не осталось. Словно кто-то неведомый, могучий и страшный взял и запросто стер все, что не положено знать простому смертному с планеты Земля.

Илларион мгновенно покрылся холодным потом. Не может быть! Он же видел! Он же... Его пальцы сами собой легли на клавиатуру и легко защелкали по клавишам. Перед глазами писателя все мелькало, гудело и кружилось. Подчиняясь неистовому и непреодолимому ритму, он работал несколько часов кряду, пока в изнеможении не опустил руки. Все... Оказалось, что он успел написать две главы нового романа. Читая текст, Гусаров не верил своим глазам. Неужели это вышло из-под его пера? Так вот как создаются шедевры!..

Глава 4

Что такое «ничто»? Как передать словами его неуловимую суть? То, что люди называют разумом, не может сделать этого. Разум мыслит по-иному, он задает вопросы и ищет на них ответы в глубинах своего опыта. Он не привык постигать неразрешимое. Что есть спящий импульс, великий и могущественный, с безграничным потенциалом? Что такое полная, абсолютная пустота, из которой вдруг является нечто – творение, удивляющее самого создателя?

Ничто обретает форму. Оно хочет быть. Оно хочет воспринимать: нежнейшие краски, случайно сложившийся узор, мощный вихрь страстей. Оно пробует. Оно любит. Оно хочет действовать... Оно отказывается от своего единства, расцветая, наполняясь разнообразием.

Бесконечные сочетания форм и красок, всплески и мерцаний, яркости и мрака – всему этому надо дать имя. Закрепить в виде символов, иначе неопределенность сотрет чудесные явления с лица темноты.

Существа, именующие себя людьми, называют свой мир Вселенной...

Эльсиния – так называют материальную вселенную иные существа.

Фарий иногда ощущал ностальгию по пустоте, отсутствию всего и вся. Это великое Ничто жило в нем, напоминало о себе. Теперь все немного по-другому. Но возможность вернуться в безмятежное лоно покоя есть всегда. Великое Ничто может принять, может отпустить. В этом Фарий привык черпать свою силу. Что бы ни происходило.

Ранняя Вселенная, зародившаяся в первозданной пустоте, формировалась и росла. Расширяясь, она стремительно разлеталась во все стороны, создавая пространство. Жизнь в царстве материки быстро обростала событиями. История развития одной из первых цивилизаций началась в Кольце Аллоиса – системе образованных в пространстве планет.

Фарий вспомнил Осиан-айю, и жгучая волна разлилась внутри него. Оси была нежна и прекрасна, словно дуновение ветра, напоенного ароматом цветов. Как у него хватило сил оставить ее? Он и сейчас продолжал слышать ее зов из необозримых далей.

Фарий знал, что Осиян-айо тоже слышит его в своих снах, где боль от разлуки с любимым существом неотступно терзала ее.

Она стояла у края черной дымящейся бездны и, как и Фарий, слышала непрерывный, льющийся из глубин Эльсинии, полный невыразимой тоски зов, который не давал ей возможности погрузиться в спасительное забытие. Великое Ничто не принимало ее, ибо этот голос был для нее дороже покоя и благополучия, которые обещал безмятежный вечный сон. Здесь, на краю двух миров, она потеряла Фария. Здесь она будет ждать его, сколько понадобится.

Измученная горестными мыслями и тревожными предчувствиями, которые, как ей казалось, сочлились из темного провала в неизвестность, она решила на отчаянный шаг: бросилась в черноту, навстречу льющемуся голосу, и... проснулась. Вокруг нее все изменилось. Осиян-айо парила среди теплых сиренево-фиолетовых перламутровых потоков, которые извивались и щекотали ее, струясь по коже и заставляя вздрагивать с непривычки.

«Что это? – подумала она. – Продолжение сна? Как я не похожа на себя!»

Осиян-айо распахнула огромные, изумрудные глаза, пошевелила длинными тонкими пальчиками, дотронулась до пышных золотистых волос, окутывавших ее нежно-розовое тело. То и дело она замирала от новых непривычных ощущений.

– Как долго я спала здесь? – недоумевала Осиян-айо.

Она ничего толком не успела сообразить, как впереди появилась ослепительно-белая точка, которая стремительно разрасталась и превратилась в сверкающий шар. Из его недр к Осиян-айо протянулся светящийся коридор с объемным проходом. Она осторожно потрогала ногой пол коридора. Он оказался мягким и прохладным, из глубины веяло свежестью.

Осиян-айо уже шла по проходу, когда в ней появилась уверенность, что она очень скоро увидит Фария. Оглядываясь по сторонам, Осиян-айо вошла внутрь шара.

Она находилась в просторном помещении со множеством разнообразных предметов. Вокруг нее все было молочно-белым, полным сверкающей пыли, струящейся в воздухе. Осиян-айо сделала несколько неуверенных шагов. Ей пришлось упереться руками в большой черный квадрат, встроенный в серебристую стену. Внезапный толчок заставил ее насторожиться.

Вдруг черный квадрат в стене громко щелкнул и вспыхнул бесчисленными голубыми точками. Осиян-айо подскочила от неожиданности и уставилась на него. Яркие искрящиеся точки быстро сбегались к центру, складываясь в замысловатый узор. Посредине квадрата образовался знакомый ей символ – сложная спираль, по форме напоминающая изгиб лиры. Их с Фарием знак. Он где-то здесь, рядом! Волнение, охватившее Осиян-айо, кружило голову и лишило сил.

– Фарий! – позвала она.

– Вы находитесь на борту космического корабля «Слатар», – раздался в ответ голос из динамиков.

«Космический корабль! – без особой радости подумала Осиян-айо. – Фарий обожает такие игрушки. Это из-за них мы расстались».

«Слатар» беззвучно плыл в пустоте космоса, похожий на маленькую ослепительную звездочку. Он направлялся к Кольцу Аллоиса...

Илларион Гусаров, перечитав написанное, удовлетворенно вздохнул. Отлично получилось! И почему он раньше не увлекался космическими приключениями? Это так интересно, и людям нравится. Не то что пьесы для авангардного театра, наподобие «Кувырка вперед». Такое далеко не каждому придется по вкусу.

Писатель выключил компьютер и отправился спать.

Ксения просыпалась рано и сразу подходила к окну, встречать восход солнца. Сначала край неба на востоке становился чуть зеленоватым, потом медленно светлел и приобретал прозрачность; на нем появлялись нежнейшие оттенки сиреневого, переходящего в розовый. На горизонте загоралась ослепительная золотая полоса, которая все разрасталась и разрасталась, предвещая малиново-красный шар дневного светила. Ксении никогда не надоедала эта захватывающая дух, величественная картина.

Эд вставал поздно и бегал по квартире как угорелый, собираясь на работу. Он подшучивал над сестрой, называя ее то «ночной совой», то «лунатиком», то «спящей красавицей». Имелось в виду, что Ксения по ночам бодрствует, а днем спит на ходу, витая в своих грезах. В сущности, Эд не был таким уж злым – просто они оказались совершенно не похожими друг на друга. У них с детства было все разное – игрушки, книги, поведение, друзья, интересы. Эд рос непоседливым и хулиганистым мальчиком, а Ксения – сумрачной тихоней. Так, во всяком случае, ее называла бабушка Юли Горячевой Мария Ефимовна, которая опекала их с Эдом. Родители вечно мотались по стройкам; их редкие приезды домой превращались в праздник, а будни Ксения, Эдик и Юля проводили с Марией Ефимовной. Квартира Горячевых была этажом ниже, и дети росли как одна семья. Ксения считала Юлю своей сестрой, а Эд был общим братом. Спустя несколько лет Горячевы купили себе квартиру в центре и переехали. Ксения чувствовала себя одиноко, она почти ушла в себя и полностью отдалась увлечению рисованием. Живопись могла заменить ей многое, но не все. Ксения скучала. Она любила бродить одна по ботаническому саду или по набережной Днепра, глубоко погружившись в свои мысли. Природа немного возбуждала ее, увлекая своими красками, запахами, шумом и движением.

Вообще, жизнь Ксении с самого начала оказалась непонятной и странной. Ксения родилась, а у мамы не было молока, и ребенка выкармливали искусственно. Потом девочка долго училась ходить, так что все с ног сбилось, и врачи, и родители. Ксения смогла ходить и бегать только в четыре года, и сразу появилась новая проблема.

– Она все еще не разговаривает! – волновалась мама. – У меня родился немой ребенок! Витя! У тебя были в роду немые?

Виктор Анатольевич Миленко, инженер-строитель, коренной киевлянин, у которого вся родня отличалась здоровьем и долголетием, только разводил руками.

Ксению снова повели на обследование. Никакой патологии в развитии обнаружено не было, но... с речью у девочки не ладилось. Она все слышала, все понимала, а разговаривать не могла. Пришлось прибегнуть к помощи логопедов. Наконец к шести годам Ксения заговорила. Какое облегчение испытали супруги Миленко! Они договорились с Горячевыми и вместе уехали в Казахстан, на строительство какого-то промышленного гиганта.

Ксения трянула головой, прогоняя воспоминания. Лучше смотреть на красное солнце, выползающее из-за горизонта, на редкие облака, на крыши домов и деревья, окутанные розовой дымкой.

– Опять не спишь? – хрипло спросил Эд.

Он встал рано, потому что собрался на рыбалку. Сестра раздражала его своими ночными бдениями. Лучше бы завтрак приготовила. А то стоит – восходом любитесь. И как только не надоест каждый день одно и то же?!

– Иди сюда, – откликнулась Ксения. – Посмотри, какое солнце малиновое!

– Мне что, делать нечего? – возмутился Эд. – Какого черта? Собери мне поесть чего-нибудь.

– Сам собирай, – лениво ответила она.

– Где мои удочки?

– Откуда я знаю? Ищи.

Вот и весь разговор. И как только такая женщина надеется жить дальше? Кто ее будет терпеть? Неудивительно, что она до сих пор не замужем.

Сам Эд уже успел и жениться, и развестись. Жена Таня постоянно пилила его, требовала то одно, то другое, деньги все норовила отобрать. А если Эд приходил домой немного навеселе, то затевала страшный скандал. Куда такая жизнь годится? Пришлось вернуться в квартиру родителей и продолжать жить с Ксенией. Она, конечно, тоже не подарок, но с Таней не сравнить. Сестра хоть денег у него не просит и не ругается по всякому поводу.

Эд любил поесть, выпить и поспать. Последнее особенно удивляло Ксению.

Она не понимала, как люди могут спать по восемь-десять часов. Ей удавалось заснуть на три-четыре часа, и это она считала большим достижением. В детстве Ксению то и дело таскали по врачам, пытаясь выяснить природу ее загадочного заболевания. Эпопея с мнимой бессонницей была уже третьей по счету и длилась почти год, пока родители жили в Киеве. У них бывали в промежутках между разъездами такие «отпуска», которые они старались проводить с детьми – гуляли с Ксенией и Эдом по городу, возили их на днепровские пляжи, в театр. Словом, развлекали как могли. А потом опять уезжали на какую-нибудь стройку.

– Что у тебя с Андроном? – спросил Эд, прерывая поток ее воспоминаний.

– У меня? Ничего, – рассеянно ответила Ксения.

Она поставила кипятиться воду для кофе и теперь смотрела, как появляются пузырьки. Больше всего в жизни ей нравилось наблюдать за самыми простыми вещами: как кипит вода, идет снег или течет река. Она не переставала удивляться этим, казалось бы, обычным вещам и забавляться ими.

– Как ничего? – опешил Эд. – Он на тебя глаз положил. Ухаживает! На машине возит, цветы дарит!

– Ну и что?

– Ты, девка, совсем ополоумела! – возмутился Эд. – Ты хоть знаешь, кто такой Андрон?

– Бандит, – пожалала плечами Ксения. – А ты у него в услужении.

– Замолчи! – Голос брата сорвался на крик. – Что ты в этом понимаешь? Что ты вообще понимаешь в жизни? Дура! Тебе уже скоро тридцать стукнет. Ты кого ждешь? Принца на белом коне? Так рыцари все вымерли, причем давно. Пора бы уже знать.

– Мне твой Андрон не нравится! – сердито сказала Ксения. – Я его боюсь.

– А кто тебе нравится? Кто? Был такой хоть один? – завопил Эд, вне себя от злости.

Он благоговел перед Андроном и во всем старался подражать ему. У Эда только-только наметилась дружба с шефом. А эта дура могла все испортить. Вряд ли Андрон будет в восторге, если сестра не захочет с ним встречаться. О таком исходе лучше не думать.

Ксения мало интересовалась мужчинами. Или это они не обращали на нее внимания? Трудно сказать. Эд понимал только простые вещи. Сложности ставили его в тупик.

– Что молчишь? – зло спросил он сестру. – Язык проглотила? Чем Андрон плох? Денег у мужика полно, квартира есть, машина. Чего тебе еще надо? Может, ты в монастырь собралась? Так иди!

– Почему я должна идти в монастырь?

– А что тебе делать среди нормальных людей? Дразнить их? Водить за нос?

– Ты намекаешь...

– Я говорю тебе прямо, Ксения, что с Андроном шутить не стоит! – заявил Эд. – Это добром не кончится. Он привык брать то, что ему понравилось. Не согласишься по-хорошему, пожалеешь!

Ксения опустила голову. Она и сама думала точно так же. Андрон не из тех мужчин, которые отступают. Может, ей уехать куда-нибудь?

– Кофе готов, – сказала она и вышла из кухни.

Эд налил себе кофе в большую чашку и бросил туда три ложки сахара. Он любил сладкое. Обжегшись, он чертыхнулся. Ну почему Ксения такая бестолковая? Будь она поласковее с Андроном, тот бы предложил Эду что-нибудь более солидное, чем торговля с лотка. Сделал бы

его завмагом, к примеру. А так Андрон злится на Эда из-за сестры. Будто он может повлиять на нее, но не хочет. Попробуй договорись с такой упрямой ослицей, как Ксения. У любого терпение лопнет!

– Дура! – буркнул Эд, отодвигая чашку. – Идиотка! Из-за нее у меня будут неприятности.

Андрон не простит. Хоть из города беги!

– Ты что-то сказал? – крикнула сестра из комнаты.

– Нет! Тебе послышалось.

Эд схватил приготовленный с вечера рюкзак, удочки и вышел из квартиры, хлопнув дверью. Ксения бесила его своим непонятым упрямством. Что она из себя строит? Ведь ей не пятнадцать лет! Они с Юлькой вечно обсуждали мужчин, смеялись над ними, вот и засиделись в девках. Юля хоть вовремя одумалась, вышла замуж, а Ксения все прикидывается непорочной девой. С каким удовольствием он бы заехал ей по уху! Но так нельзя. Андрон наверняка не похвалит за такое самоуправство. Взял бы да сам всыпал ей как следует! Бабы это лучше понимают, чем галантные разговоры.

Ксения осталась одна и с облегчением вздохнула. Эд ужасно утомлял ее. Она подошла к зеркалу и посмотрела на себя. В среде художников ее считали красавицей, но сама она так не думала. Ее сравнивали с мадонной с картины Лукаса Кранаха, известного мастера немецкого Возрождения.

– Ничего общего, – вздохнула Ксения, придирчиво осматривая себя.

Она немного лукавила. Золотисто-рыжие волосы, волнистые от природы, обрамляли ее круглое, широкоскулое лицо. Необычный разрез глаз придавал взгляду загадочность и очарование; ее глаза меняли свой цвет в зависимости от освещения, и казались то фиалковыми, то зелеными. Губы были крупные, красиво очерченные, с мягким, чувственным изгибом. Нежная линия подбородка подчеркивала стройную шею. Фигура у Ксении не отличалась худобой, но все формы гармонично сочетались – полная грудь, тонкая талия, чуть широковатые бедра и стройные ноги. В общем, сходство с женщинами Возрождения прослеживалось.

Кранах любил писать роскошные, холеные тела придворных дам и вельмож. Большую часть своей жизни он провел при дворе саксонских князей в Виттенберге, создавая множество парадных портретов. Важные герцоги в шитых золотом одеждах, кокетливые красавицы, ученые, погруженные в раздумья, смотрели с его полотен, как будто и не было четырех столетий.

Ксения не очень хорошо понимала окружающих ее людей, а вот те, кто жил давно, производили на нее благоприятное впечатление. Они никуда не торопились, ничего от нее не требовали. Они жили на холстах особой, размеренной жизнью, не похожей на повседневную суету...

Зазвонил телефон, и сердце Ксении сжалось от тревожного предчувствия.

– Это квартира Миленко? – спросил незнакомый мужской голос.

– Да.

– Мне нужна Ксения Викторовна. Это вы?

– Я.

Ксении все больше становилось не по себе. По телу побежали мурашки озноба.

– Меня зовут Егор Иванович, – представился незнакомец. – Я хочу поговорить с вами об Андрее Якимовиче.

Все сегодня хотят поговорить с ней об Андроне! Ксения глубоко вздохнула, стараясь успокоиться.

– Хорошо. Я вас слушаю.

– Не по телефону. Вы можете выглянуть в окно? Моя машина стоит у вашего подъезда.

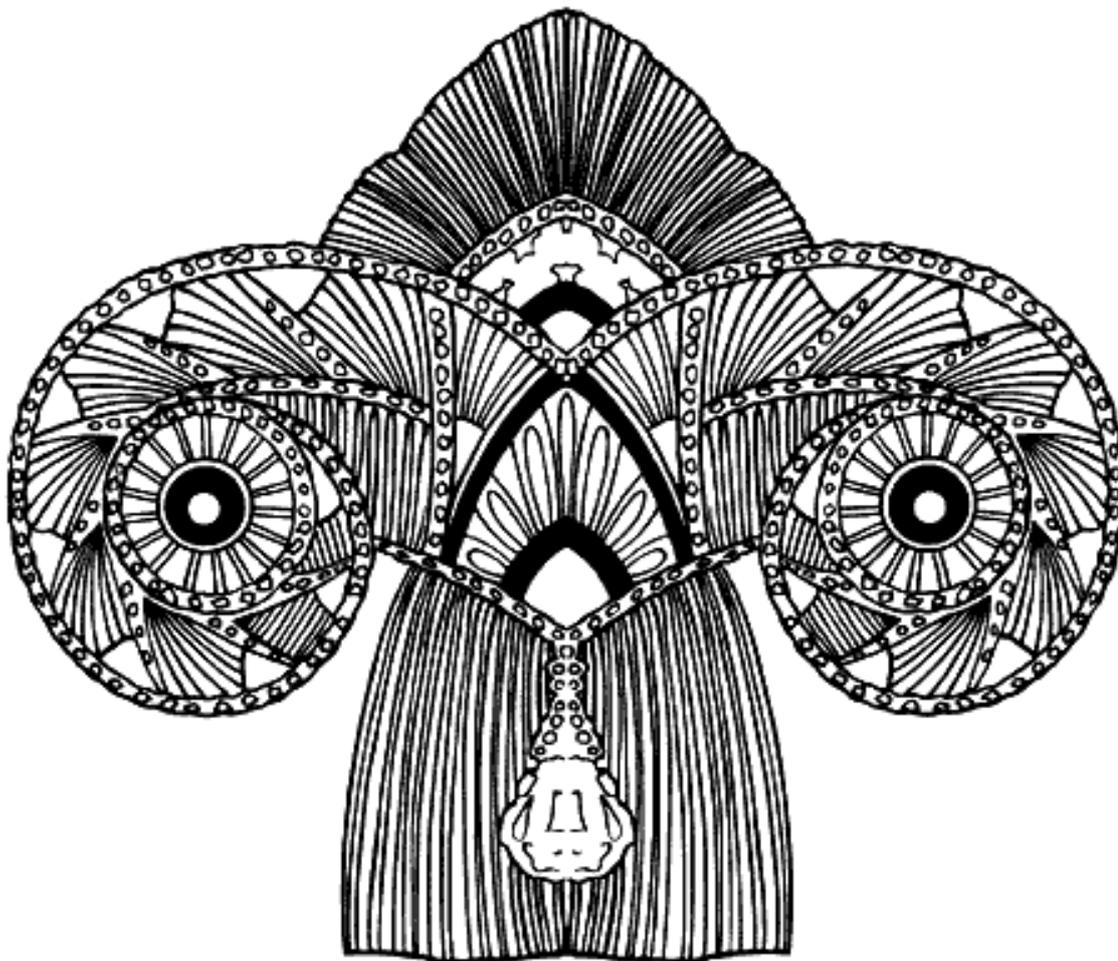
Проедемся немного, позавтракаем вместе.

Ксения посмотрела из окна вниз. Темный автомобиль с приоткрытыми дверцами вызвал у нее безотчетный страх.

– Я не хочу, – сказала она. – Не люблю чужие машины.

– Андрей умер, – слишком спокойно произнес Егор Иванович. – Я его близкий друг. Прошу вас, Ксения, уделите мне пару часов. Это важно.

Глава 5

Юлия и Филипп Чигоренко большую часть времени жили в загородном доме. Он был слишком велик для троих – просторный, двухэтажный, с высокими полукруглыми окнами и декоративными арками на фасаде. Вокруг дома зеленели подстриженные лужайки, две клумбы у входа были засажены резедой и настурцией. Вдоль забора цвели вьющиеся розы, белая и красная. Гараж находился в цокольном этаже, так же как и подсобные помещения, а весь участок был оборудован для отдыха. Никаких грядок с петрушкой, никакого огорода – лишь несколько молодых кустов сирени и пара вечнозеленых растений у ворот.

Филипп наконец смог осуществить свою мечту – построить за домом беседку, внутри которой стояли стол, стулья и скамейки вдоль увитых виноградом стенок. Рядом с беседкой устроили качели и гамак для мальчика.

Дорога, которая вела к дому, дальше уходила вверх, к большому селу. По бокам ее лежали поля с пшеницей, обочины заросли подсолнухами, цикорием и васильками. Вокруг стояла тишина, нарушаемая только мычанием коров и собачьим лаем, доносившимися из села, да шумом ветра в липовых посадках.

Поздней осенью семья Чигоренко перебиралась в киевскую квартиру, а в доме оставалась тетка Ганна, которая исполняла обязанности садовника и экономки.

Пока до осени было далеко, Ганна жила вместе с хозяевами, прибиралась в комнатах, готовила борщ и вареники, пекла пироги и сидела с мальчиком. Вся эта работа казалась ей сущей безделицей по сравнению с колхозной фермой, на которой она вкалывала всю свою сознательную жизнь. Да еще держала свою скотину, птицу, огород, что взглядом не окинешь.

Ганна была женщина одинокая, старательная и работающая. Когда сельский голова вызвал ее в контору и спросил, не хочет ли она в домработницы к господину Чигоренко, Ганна сразу согласилась. Хоть какое-то разнообразие! Да и Филипп ей понравился – вежливый, степенный мужчина, и одет чисто. Первые деньги, полученные на новой работе, привели Ганну в растерянность.

– Что, мало? – спросил Филипп, глядя на ее взволнованное лицо.

На самом деле Ганна привыкла жить в селе на копейки и никогда не держала в руках такое огромное, по ее понятиям, количество денег. Постепенно она привыкала и к хозяевам красивого дома, и к новой зарплате. Она жила у Чигоренко на всем готовом и тратить деньги было некуда, поэтому Ганна откладывала их «на черный день».

Она вставала раньше всех, когда издали доносились крики голосистых сельских петухов, выходила во двор, приводила там все в порядок и возвращалась в дом, готовить завтрак. Обычно это были оладьи или яичница, холодное мясо, сок и кофе. Варить кофе Ганну научила сама хозяйка, Юлия Марковна.

– Называйте меня просто Юля, – говорила она.

Но Ганна не решалась. Она только кивала головой и продолжала величать Юленьку по имени-отчеству. Филипп Алексеевич и вовсе вызывал у Ганны священный трепет. Один Лешенька, хозяйский сынок, казался ей близким и родным человечком, которого она с удовольствием купала, кормила и водила за ручку в поле, где они собирали колоски и разноцветные, душистые букеты цветов.

Сегодня Ганна встала, как всегда, с петухами. Во дворе валялся забытый мальчиком мяч. Небо было затянуто тучами, которые медленно плыли в сторону села. В воздухе свежо пахло сеном и влагой. «Дождь будет», – подумала Ганна. Она подняла мяч и отнесла в дом.

На кухне, оборудованной по последнему слову техники, было тепло, на плите уже закипала вода для кофе. Ганна до сих пор с опаской относилась ко всем этим тостерам, кофеваркам, миксерам и грилям. Она с трудом запомнила их названия, но пользоваться так и не научилась: боялась сломать дорогие вещи. Юлия Марковна посмеивалась над ней:

– Как же ты, Ганна, на ферме работала? Коров не боялась?

– Коровы – другое дело, – степенно отвечала Ганна. – Они слушаются.

А в общем, жизнь у Чигоренко ей нравилась. Работа была легкая, хозяева приветливые, мальчик не баловной и ласковый. Ганна терпеть не могла непослушных детей, которые везде лезли, хулиганили и огрызались.

Кофе получился отличный, в меру густой и с пенкой, как велит Юлия Марковна. Ганна аккуратно нарезала мясо, достала из холодильника сливки, масло и сыр. Она поставила еду на стол и села, подперев рукой щеку.

Первым спустился Филипп, уже чисто выбритый и одетый. Он никогда один не завтракал, ждал жену. Юленька выпорхнула из спальни и легко сбежала со второго этажа вниз. Она будет одеваться потом, когда проведет мужа. Ганна уже знала все подробности их утреннего ритуала.

Супруги поцеловались, а Ганна деликатно отвернулась. Она считала такое поведение неприличным. Отношения Филиппа и Юли не переставали удивлять ее и вызывать странное, неумное любопытство. В селе Дубки, где она родилась и выросла, ей такого видеть не приходилось. Мать с отцом никогда не проявляли друг к другу не то что ласки, а обычного участия. Они с утра до поздней ночи тяжело работали, вваливались в хату измученные, едва доползали до кровати и засыпали. Их мощный храп казался Ганне главным признаком семейной жизни. Утром мать начинала греметь чугунами, будила дочку, отправляла ее кормить скотину, кур, гусей. Потом все вместе садились за стол. Картошку с салом ели молча, запивали молоком. Отец, если что не так, мог и кулаком захватить. По воскресеньям он уходил пьянствовать с мужиками, а потом долго орал, ругался и гонял жену. Случались и драки. Маленькая Ганна лежала на печке, замирая от ужаса, что ей когда-нибудь тоже придется выходить замуж, допоздна гнуть

спину в огороде, таскать мешки с картошкой и буряками, прятаться от пьяного мужа в сарае или у соседки, такой же несчастной бабы. Это приводило ее в отчаяние. Может быть, она еще тогда решила, что лучше жить одной. По крайней мере никто не будет ее лупить и оскорблять.

Когда Ганна подросла, к ней сватался соседский парень, Петро. Потом она приглянулась колхозному агроному. Мать долго уговаривала ее подумать, ведь годы идут, а женихов в селе раз, два и обчелся. Но Ганна упрямо отказывалась. Зачем ей такое счастье? Хватит, от отца натерпелась. Большое хозяйство, с которым без мужика не сладишь, ей ни к чему, а с маленьким она и сама справится. Небось, как-нибудь себя прокормит.

Так и прошла ее жизнь в девках, о чем она ни разу не пожалела. Замужние подружки прибежали к ней жаловаться, плакали, рассказывали о болезнях детей, пьянках мужиков, изменах, драках, показывали синяки и ссадины. Ганна тихо радовалась, что живет себе спокойно и горя не знает.

У Филиппа и Юли все было по-другому. Ничего похожего на тот кошмар, каким Ганна представляла себе брак. Филипп Чигоренко поразил Ганну с первого взгляда, еще тогда, в сельсовете. Такого красивого мужчину ей до сих пор видеть не приходилось. Разве что по телевизору. А в жизни... Даже самые привлекательные сельские мужики и парни не шли с Филиппом ни в какое сравнение. Рослый, широкоплечий, черноволосый, со смуглой кожей и гладким, выразительным лицом, на котором выделялись синие глаза, он показался ей чуть ли не заморским королевичем. К тому же господин Чигоренко был спокоен и вежлив, и это окончательно покорило Ганну.

Она не могла поверить, что люди живут бок о бок, день за днем, не ругаясь и не затевая безобразных скандалов. Кроме того, Филипп заботился о своей жене, дарил ей цветы и подарки, обнимал, целовал и лелеял так, словно она была хрупким драгоценным созданием. Он уступал Юле лучшее место, подавал стул, помогал одеваться и провожал ее таким взглядом, что Ганна невольно краснела. На нее никто *так* не смотрел.

– Ганна, ты здорова? – спрашивала время от времени Юлия Марковна, заставая домработницу в оцепенении, с неподвижным, отсутствующим взглядом.

Та вздрагивала и начинала оправдываться певучей скороговоркой, как все жители села Дубки.

– У тебя очень красивая и мелодичная украинская речь, – улыбалась Юля. – Но все же о чем ты так задумываешься?

Ганна действительно начала часто думать о своей жизни, чего с ней раньше не бывало. Думать она невзлюбила еще в школе. У нее начинала болеть голова, как только она переступала порог классной комнаты. С трудом закончив восемь классов, Ганна с облегчением вздохнула. Лучше она будет полоть грядки и пасти коров. Жители Дубков относились к жизни просто, не пускаясь в рассуждения и не давая воли мыслям. И только оказавшись в доме у Чигоренко, Ганна увидела, что жизнь может быть совсем другой.

– Ганна, ты опять задумалась? – засмеялась хозяйка. – Филипп Алексеевич ушел, а ты даже не попрощалась с ним.

– Вы все шутите! – рассердилась Ганна. – Вон, дождь пошел. Филипп Алексеевич, как всегда, зонтик дома оставил.

– Ничего, он на машине.

Юля беззаботно смеялась, а Ганна недовольно ворчала, убирая со стола.

– У Лешеньки нынче лобик горячий был и дышал он во сне тяжело. Как бы снова не заболел!

– Ты что, ходила ночью в детскую?

– А как же! Раз до ребенка никому нет дела...

– И чего тебе не спится?

– От сна какой прок? Так всю жизнь проспять можно, – возразила Ганна.

На самом деле она страдала от бессонницы. Мысли, которые удавалось гнать от себя днем, дожидались ночи, и тогда от них не было никакого спасения. Ганна вставала и начинала бродить по дому – то на кухню придет, попьет водички, то в детскую наведается.

– Ко мне сегодня вечером подруга придет, – радостно сообщила Юля, не обращая внимания на слова няньки. – Мы с ней почти год не виделись. Приготовь чего-нибудь вкусенького на ужин.

– Ладно, – вздохнула Ганна. – Голубцов сделаю. Со сметаной.

Юлия Марковна действительно ждала вечером гостью, свою давнюю подружку Ксению. Раньше они друг без друга дня прожить не могли, а потом... годы и город сделали свое. Горячевы переехали, и ездить с окраины Киева в центр оказалось сложнее, чем бегать с этажа на этаж. А когда Юля вышла замуж, то они и вовсе видеться перестали. Ксения даже на свадьбе у них с Филиппом не была, потому что как раз накануне вывихнула ногу.

«Ксения моего супруга еще ни разу не видела, – подумала Юля. – Надо их познакомить». Она набрала номер мобильного телефона Филиппа.

– Алло?

– Это ты, Юленька? – Он всегда безошибочно узнавал ее голос. – Что-то случилось?

– У нас сегодня будет торжественный ужин. Ганна обещала голубцы. Так что не задерживайся, пожалуйста.

– Постараюсь. К нам кто-то придет?

– Моя подруга Ксения.

– Слава богу! – засмеялся Филипп. – А то я уже подумал, что у тебя нет подруг! Во всяком случае, за четыре года нашей с тобой семейной жизни я ни одной не видел.

Егор Иванович Шахров не любил людей. Ему казалось, что он родился таким – диким волком, хищником-одиночкой. Чувство стаи было ему чуждо.

Еще в раннем детстве Егорке нравилось бродить одному по занесенным снегом улочкам Евенска, по бокам которых тянулись деревянные дома. Из закопченных труб шел дым, пахло вареной картошкой, домашним хлебом; заледеневшие окна светились в темноте, обещая тепло, уют и покой. Маленький Егор всегда испытывал чувство голода. У них в доме было холодно, грязно и пусто. Отец ушел, а мать нашла себе какого-то мужика, про которого говорили, что он «беглый». Что это такое, Егор точно не знал, но чувствовал недоброе. Новый папа много не пил, но зато дрался и орал на Егора, называя его голодранцем и дармоедом. Мать оказалась безвольной, запуганной женщиной. Она угождала своему супругу, чуть ли не сапоги с него снимала, не смела слова поперек сказать. Это было отвратительно. Егор презирал и ненавидел мать за ее подлобострастие и полное отсутствие собственного достоинства. Он твердо решил, что уйдет из дому и никогда не вернется. Тогда же родилась и прочно укоренилась в его сознании стойкая брезгливость к женщинам. Он раз и навсегда потерял к ним уважение. Шахров считал женщин людьми второго сорта, трусливыми и беспринципными, которые годились только на то, чтобы их использовали. Так он к ним и продолжал относиться по сей день.

Те женщины, что работали в «Вавилоне», вызывали у него снисходительную жалость. Он их не обижал, хорошо им платил, но... Ни одну женщину Шах не смог бы полюбить. Ему казалось, что и Андрон такой же.

В дверь постучали.

– Вадим, ты?

– Я.

Охранник вошел, шумно дыша, как будто только что пробежал стометровку.

– Ну, узнал?

– Егор Иванович, эксперт сказал, что смерть Андрона естественная. Причина – остановка сердца. Вот и все.

Вадим развел руками и вздохнул. Он не понимал, отчего шеф нервничает.

– Хорошо, иди.

Шахров махнул охраннику и потер пальцами виски. Он вспомнил вчерашний разговор с Ксенией. Она была в недоумении. Удивлялась. Чувствовала себя крайне неловко.

Егор Иванович вышел из машины и подал ей руку. Его нелюбовь к дамам не исключала необходимой порции вежливости. Именно так он и считал: «необходимой порции». Не больше. Если он будет груб, эта Ксения ничего ему не скажет. Упрется, как баран, и будет только сверкать глазами.

– Я никуда с вами не поеду! – заявила она, опасливо оглядываясь. – Давайте поговорим здесь, раз уж это так необходимо.

Шахров был вынужден согласиться.

– Курите?

Он предложил ей хорошие, дорогие сигареты.

– Нет!

Рыжеватые волосы Ксении казались на солнце золотыми. Она производила приятное впечатление. Особенно красивы были ее губы – мягкие и нежные, изысканной формы. А в целом – женщина как женщина, ничего особенного. Интересно, чем она привлекла Андрона?

– Вы встречались с Андреем Якимовичем? – спросил господин Шахров.

– Это приятель моего брата. Вы сказали, что... он умер... Как это случилось?

– Пока точно неизвестно, – уклончиво ответил Егор Иванович. – В связи с этим я и хотел поговорить с вами.

– О чем? Я ничего не знаю.

– Когда вы видели его последний раз?

Ксения задумалась, машинально теребя прядь волос. Наконец она произнесла:

– Несколько дней назад. Кажется, во вторник.

– Вы... поругались или расстались мирно?

Она пожала плечами.

– Как вам сказать? Андрей пытался ухаживать за мной, а я... В общем, мне не очень нравилась эта идея.

– Что за идея?

– Ну... чтобы мы стали любовниками.

Она говорила без тени смущения, как будто речь шла о самой заурядной вещи.

– То есть вы не соглашались? – уточнил Шахров.

– Не соглашалась. Андрей Федорович рассердился.

– Еще бы!

– Вы полагаете, это смешно?

Шахров поспешно убрал с лица улыбку.

– А почему, позвольте спросить? Чем Андрей пришелся вам не по вкусу?

– Он мне не нравился, вот и все.

– И вы отказались лечь с ним в постель?

– Именно так.

– И он пришел в бешенство!

Ксения кивнула.

– Андрей пригрозил, что если я не соглашусь, он меня убьет.

– Вы кому-нибудь рассказывали об этом?

– Н-нет. Только вам. Честно говоря, я ему не поверила.

Ксения подняла на Шахрова свои светлые, раскосые глаза.

– Может быть, ваш брат решил расправиться с Андроном?

– Эд?! – Ее глаза раскрылись еще шире. – Что вы! Он был бы счастлив, если бы я... ну, словом, стала любовницей Андрея. И вообще... Эдик трус. Он не способен на такое.

– У вас есть другой мужчина? – неожиданно для себя спросил Егор Иванович.

– Это вас не касается. Но я все же отвечаю. Нет!

– Тогда почему...

– Послушайте, – разозлилась Ксения. – Я ведь не только особь противоположного пола. Я человек и имею право выбора! Если у меня нет мужа или любовника, это не значит, что я должна ложиться в постель с первым встречным!

– Да, конечно, – улыбнулся Шахров. – Простите. Давайте пообедаем вместе? Я... хочу загладить свое назойливое любопытство и этот допрос.

Ксения поблагодарила и отказалась.

Уже вернувшись в «Вавилон», Егор Иванович все еще вспоминал ее рассеянную улыбку, широкие скулы с нежным румянцем, внимательный и вместе с тем неуловимый взгляд. Странная дама...

Шахрова отчего-то взбудоражила встреча с Ксенией. Он не мог усидеть в своем кабинете и вызвал Вадима.

– Ты поручил ребятам выяснить, кто такая Ксения Миленко?

– Да.

Охранник старался засунуть жвачку за щеку, чтобы хозяин не заметил.

– Выплюнь резину! – брезгливо сказал Шахров. – И не смей больше являться с этой гадостью во рту.

Вадим поспешно исполнил приказание, проклиная себя за забывчивость.

– Она художница. Пишет картины и продает их. Живет вдвоем с братом. Все...

– Как она реализует свои работы? Сдает в галерею, в магазины или стоит с ними сама?

– У нее берет картины маленький магазинчик на Владимирской улице. И один из продавцов, который просто стоит и торгует в людных местах.

– Адрес магазина?

– Вот! – Охранник поспешно протянул Шахрову листок с адресом. – Я сам проверил. Там продается несколько ее картин.

– А перекупщик? Ну, тот, что стоит на улицах?

– Не знаю. Вы же просили...

– Понятно! Иди.

Егор Иванович в первую минуту хотел отругать Вадима за равнодушие и отсутствие инициативы, но вспомнил, что сам же требовал строжайшей дисциплины.

– Без моего ведома ни шагу!

Вот хлопцы и привыкли жить по указке. Что велено, выполняют, а сверх того ни-ни!

Шахров вертел в руках листок с адресом и думал. Ему вдруг стало очень любопытно, какие картины пишет Ксения. Ее трудно было представить с кистью и мольбертом.

Хозяин «Вавилона» надел темные очки и вышел через запасной ход. Черный «мерседес», как было приказано, ждал его в тени каштанов.

Спустя полчаса господин Шахров остановил машину у небольшого двухэтажного дома на Владимирской. Большие стеклянные окна на первом этаже, давно не мытые, были увешаны картинами, над входом красовалась претенциозная надпись: «Галерея искусств». Егор Иванович открыл дверь и вошел в тесный полутемный торговый зал, сплошь загроможденный полотнами с рамами и без рамы, деревянными скульптурами, глиняной посудой, различными панно в народном стиле, какими-то стеклянными шарами и бутылками. Повсюду лежал тонкий слой пыли, пахло лаком, красками, сухим деревом и шерстью.

В зале никого не было. Видимо, покупатели посещали «Галерею искусств» настолько редко, что продавец просто не считал нужным зря терять время, стоя «за прилавком». Соб-

ственно, и прилавка никакого в магазинчике не было. Он больше напоминал склад ненужных вещей, нежели торговое помещение.

– Эй! – крикнул господин Шахров. – Здесь есть кто-нибудь?

В самом дальнем углу зала что-то заскреблось, и на свет вышла маленькая сухонькая женщина. Она смотрела на посетителя поверх очков, не выпуская из рук вязание. Спицы так и мелькали, а клубок ниток, по всей видимости, находился в оттопыренном кармане ее безразмерной кофты. Во всяком случае, нитка тянулась именно оттуда.

– Вам кого? – спросила женщина, не прекращая работать спицами.

– Я покупатель, – сказал Шахров. – Хочу приобрести картину.

Женщина так удивилась, что на минуту забыла о спицах, и они застыли в ее руках.

– Что вы сказали? Я не очень хорошо слышу.

– Хочу картину купить! – громко повторил Шахров, проклиная свое любопытство и эту глухую тетерю, которая вылупилась на него, будто бы он просит продать ему живого слона.

– А-а... – неопределенно произнесла тощая дама. – Ну, смотрите. Выбирайте.

– Вы мне не поможете?

Дама вздохнула, поправила на носу очки и спрятала вязание в карман. Весь ее вид выражал недоумение, что такой приличный человек валяет дурака. Разве среди этого хлама есть нечто, заслуживающее внимания?

– Вам что, портрет или пейзаж? – спросила она. – А может, натюрморт предпочитаете?

– Меня интересуют работы Ксении Миленко. У вас есть что-нибудь?

Лицо тощей дамы немного оживилось и даже порозовело.

– Знаете, – доверительно наклоняясь к Шахрову, сказала она, – это единственная художница, которой удастся продавать картины через наш магазин. Если кто сюда и заходит, то покупает только ее работы. Идите сюда!

Она подошла к двум полотнам средних размеров, без рамок.

– Вот! Это ее. Одна называется «Синяя мозаика», а другая... минуточку... – Дама наклонилась, вглядываясь в неразборчивую надпись. – Ага... «Туманность». Да, все верно. Ее стиль. Туманно и неопределенно.

Егор Иванович смотрел на картины. Они не произвели на него никакого впечатления. Мазня. По-другому не скажешь. Чего он поперся в захудалый магазинишко? Какая-то Ксения... тьфу!

Внезапно у Шахрова потемнело в глазах, а затылок стал ледяным. Он едва устоял на ногах, с ужасом ощущая, как предательски дрожит тело.

– Что с вами? – испугалась дама. – У вас не астма случайно? А то здесь такая духота! И пыль...

– Н-нет. Все в порядке. – Шахров стиснул зубы, подавляя приступ дурноты. – Я возьму вот это...

Он ткнул пальцем в полотно, которое называлось «Синяя мозаика».

– Вам завернуть?

– Не надо.

Шахров достал из портмоне стодолларовую купюру и протянул даме. Это слишком много за такую дрянь, но более мелких денег у него при себе не оказалось. Честно говоря, Егор Иванович не собирался ничего приобретать, он хотел только посмотреть.

– «Синяя мозаика» стоит двести пятьдесят долларов, – отчетливо произнесла тощая дама и чихнула.

– Сколько?!

Глава 6

– Вы же меня, дорогой Илик, без ножа режете! – пронзительно вопил в трубку Козленко. – У меня спектакль срывается!

– Плевал я на ваш спектакль! – рассвирепел Гусаров, который только-только сел поработать, как на тебе, приходится выслушивать претензии режиссера.

Мысли, эпизоды, целые фрагменты романа роились у него в голове, грозя перемешаться или вовсе исчезнуть, а он должен отвлекаться на всякую ерунду!

– Илик... – жалобно проскулил Эрнест Яковлевич.

– Я вам не Илик! Слышите, вы?! – взревел драматург и бросил трубку.

Подумав мгновение, он вскочил и отключил телефон. Пусть теперь Козленко попробует до него добраться!

Замирая от предвкушения грядущего творческого процесса, Илларион Гусаров уселся за компьютер и вдохновенно защелкал клавишами...

Внутри «Слатара» воцарился приятный сиреневый полумрак. Осман-айо удобно расположилась в мягком кресле и незаметно для себя уснула.

– Мы приближаемся к Кольцу Аллоиса. «Слатар» примет главная планета кольца – Цоуфис.

Сообщение, прозвучавшее в сознании Осиан-айо, разбудило ее.

Прямо перед глазами открывалась картина космоса. С трепетом и восхищением одинокая пассажирка «Слатара» разглядывала огромный, жарко пылающий оранжевый шар Цоуфиса, который далеко освещал фиолетовое пространство. Планета и космический корабль медленно и осторожно сближались. Цоуфис окутала зеленоватая дымка. «Слатар», войдя в атмосферу, вспыхнул ослепительно-белой звездой, испуская бесчисленное множество тонких лучей. Цоуфис бережно принял его на свою поверхность.

Осиан-айо показалось, что посадка длилась лишь мгновение. Мягкий, едва ощутимый толчок – и в стене корабля образовался проход, сквозь прозрачные стенки которого проникал оранжевый свет незнакомой планеты. Осиан-айо покинула «Слатар».

– Здравствуй, Цоуфис! Ты прекрасен... – Гостья застыла в восхищении.

Ее окружал простор, наполненный упругим ароматным ветром, под ногами струилась ласковая и теплая золотистая дымка, которая всюду, сколько видел глаз, покрывала планету. В этой дымке отражались желтые облака, скользящие по оранжевому небу.

– Так вот ты какая, Эльсиния! – прошептала Осиан-айо. – Кто же хозяин этого великолепия? И тут же в небе появилось серебристое облачко. Приближаясь, оно превратилось в остроносые сани, которые опустились на воду и плавно подкатили к гостье. Из них вышел хозяин оранжевой планеты.

Осиан-айо узнала Фария раньше, чем ей удалось хоть что-то рассмотреть. Целую вечность она ждала этой встречи. Теперь, оказавшись в объятиях Фария, она закрыла глаза и впитывала ощущение его присутствия всем своим существом.

– Прости меня! Я не мог больше ждать!

Она силилась что-то ответить и не могла собраться с мыслями.

Фарий с восхищением смотрел на ее изящное тело, золотой поток волос, струящийся вдоль гибкой спины, розовое сияние кожи, зеленый огонь распахнутых глаз, светящихся оттенком нежности, присущим только ей одной. Фарию казалось, что она родилась только что, в этот самый момент из золотых вод Цоуфиса. Он торжествовал.

– Фарий! – Осиан-айо подняла глаза, всматриваясь в любимого.

– Оси, дорогая, я знаю, что виноват перед тобой. Прости. Я непрерывно думал о тебе.

От волнения выразительные черты его лица, обрамленного светлыми кудрями, выглядели еще более утонченными. Ласковый взгляд завораживал. Осиан-айо любовалась Фарием, его стройной фигурой, благородными линиями легкого и сильного тела.

– Жалеешь, что откликнулась на зов моей тоски по тебе?

– Нет! – Она прижалась лицом к его плечу, пряча свое волнение.

– Этот новый мир подарит нам больше счастья, чем мы могли мечтать!

Фарий был непоколебимо уверен в том, что говорит.

Вдруг тревожная мысль появилась в сознании Осиан-айо:

– Как легко заблудиться в неммыслимо огромном пространстве космоса и потерять надежду встретиться хоть когда-нибудь! О-о-о, нет!

Фарий поймал мысль Осиан-айо на лету легко, как это всегда у него получалось, и вздохнул. Он был готов к тому, что ей может не понравиться такая игра, и все же огорчился.

– Пространство Эльсинии растет, оно постоянно расширяется... С каждым мгновением его размеры становятся все грандиознее, но мы с тобой всегда будем вместе, Оси. Ты мне веришь?

Осиан-айо растерянно кивнула и взглянула вверх. В небе, как в огромном оранжевом зеркале, отражались их застывшие в объятии фигуры, сквозь которые скользили светящиеся желтые облака. Казалось, что все вокруг излучает любовь...

– *Фарий, как красиво!* – восхищенно прошептала она, мгновенно забыв свои опасения.

Фарий улыбнулся в ответ, безмятежно, как ребенок. Ему нравились захватывающие игры с пространством и временем, с чувствами и мыслями. И чем они сложнее, жестче и опаснее, тем интереснее. Но его любовь к Осан-айо родилась раньше, чем страсть к жизни в царстве матери; раньше, чем зажглись первые звезды. Фарий поклялся самому себе уберечь это чувство от разочарований, боли и страха. Ради Оси он сумеет усмирить бушующую стихию материальности, противопоставив ей самообладание и равновесие своего духа.

Ганна с ног сбилась, стараясь угодить хозяевам. Она была не большая мастерица готовить, но Чигоренко не жаловались. Борщ, вареники, котлеты и голубцы – вот почти весь перечень ее нехитрых блюд. Алешка привык к стряпне «бабы Ганны», как он называл няньку, а Юля и Филипп оба были непривередливы. Так что домработница особо не переживала по поводу своих кулинарных способностей. Но сегодня к Юлии Марковне придет давняя подруга, с которой они бог знает сколько времени не виделись, и Ганне не хотелось ударить лицом в грязь. Как назло в последний момент обнаружилось, что нет сметаны.

– Юлия Марковна! – чуть не плача, сокрушалась Ганна. – Придется в село бежать! Сметаны нету!

– А нельзя как-нибудь обойтись?

– Нельзя! Никак нельзя! Что за голубцы без сметаны?

И Ганна, продолжая причитать, выскочила за ворота и понеслась в свое родное село Дубки, видневшееся на пригорке.

Когда она вернулась, гостья уже сидела в гостиной, и они с хозяйкой мило беседовали.

«Хорошо, что Филипп Алексеевич еще не приехал», – подумала Ганна, бегая из кухни в комнату и поспешно накрывая на стол.

К голубцам она достала из погреба соленые помидоры, огурцы и белые грузди. Соленья и маринады у Ганны получались отменные, а грибы она сама насобирала прошлой осенью, засушила и насолела вдоволь. В городских магазинах такого не купишь!

– Здравствуйте, милые дамы! – шутливо воскликнул Филипп Алексеевич, появляясь в дверях гостиной.

Ганна не сразу поняла, что галантное приветствие относится и к ней тоже, что хозяин и ее считает не кем иным, как *дамой*. Она густо покраснела, принимая от него большую тугую белую розу на длинном стебле, такую же, как он преподнес жене и гостье.

– Что будем пить? Шампанское или коньяк?

Господин Чигоренко поставил на стол бутылки, огромную коробку конфет и два ананаса.

– Ксения, это Филипп, мой муж, – сказала Юля, поднимаясь с дивана. – Вы тут знакомьтесь. А я пойду цветы в вазу поставлю.

Она взяла розы и вышла.

Хозяин дома чуть поклонился, сдержанно улыбаясь, и поцеловал протянутую для знакомства руку Ксении.

– У вас кровь... – сказал он, поднимая на гостью свои синие глаза. – Вот, смотрите... вы, наверное, укололись.

Ксения посмотрела на свою руку и увидела капельку крови, выступившую на среднем пальце. Она поранилась шипом розы и даже не заметила.

– Я принесу йод, – предложил хозяин дома.

– Что вы, не надо... Пустяки!

Ксения облизала кровь и посмотрела на Филиппа. Ее полные, розовые губы дрогнули, на щеках выступил бледный румянец.

– Прошу за стол! – громко возвестила Ганна, с шумом двигая стулья.

Ксения и Филипп вздрогнули, старательно скрывая свое волнение.

В гостиную вбежал маленький худенький мальчик и бросился к Филиппу.

– Папа! Папа приехал! – радостно закричал он, обнимая отца за шею. – Ой, ананасы! И конфеты!

– Только после ужина, – строго сказала Юля. Она поставила на стол вазу с розами и взяла мальчика на руки. – Иди ко мне! Папа устал и проголодался.

Ужин начался в полном молчании. Филипп разлил по рюмкам коньяк. Ганна принесла блюдо с горячими голубцами, тарелку с молодой картошкой. Запахло укропом и томатным соусом.

– Садитесь с нами, Ганна, – сказал Филипп, отодвигая для нее стул. – Мы все здесь одна семья!

Ганна хотела было отказаться и скрыться на кухне, но мальчик слез со своего стульчика, и ей пришлось сесть и взять его к себе на колени.

– Баба Ганна будет меня кормить, – сообщил ребенок, обводя присутствующих огромными и такими же синими, как у Филиппа, глазницами. – Я тоже голодный!

Юля засмеялась, легко и тихо, как смеются только очень счастливые женщины.

– Чем вы занимаетесь, Ксения? – спросил Филипп, чтобы начать разговор. – Я имею в виду, где работаете?

– Ксения – художница! – ответила за подругу Юля. – Она пишет картины маслом и еще этим, как его...

– Пастелью, – добавила Ксения. – Это такие цветные мелки.

– Да! Как я могла забыть? Мы все детство прожили в одном доме, в одном подъезде и практически в одной квартире.

Ксения чувствовала себя не в своей тарелке. Разговор не клеился. Юле было досадно, что Филипп, обычно такой вежливый и гостеприимный, умеющий поддержать беседу за столом, – отмалчивается. Только после третьей рюмки коньяка все немного оживились. Ганна не понимала, в чем дело, но напряжение, разлитое в пространстве гостиной, подействовало и на нее. Гостья вызывала у нее неприязнь. Пришла, нарушила спокойное и приятное течение жизни, всех взбудоражила. Достаточно посмотреть на хозяина: человек сам не свой – бледный, глаза опущены. Юлия Марковна явно нервничает. Конечно, ей неловко перед подругой, что вместо веселого застолья получается черт знает что.

– Вы кушайте, кушайте, – стараясь быть радушной, говорила Ганна, подкладывая Ксении на тарелку голубцов и обильно поливая их сметаной.

– Ой, спасибо, не надо... я больше не хочу.

– Что, невкусно?

– Очень вкусно! – испугалась Ксения. Ей не хотелось обижать Ганну, но вторая порция голубцов была лишней. – Я наелась... Грузди у вас замечательные! Хрустящие и в меру соленные. Просто прелесть!

– Это Ганна собирала, и солила тоже она, – серьезно сказал Филипп.

– Вы удивительная мастерица, Ганна, – улыбнулась Ксения. – Преклоняюсь перед женщинами, которые умеют и любят готовить. Я не такая. Сделаю что-нибудь на скорую руку... чтобы не возиться, да и ладно.

В это время мальчик, который сидел у няньки на коленях, начал ерзать.

– Я тоже наелся! – заявил он, слезая на пол. – Папа! Пойдем, поиграем.

– Пойдем, – легко согласился Филипп.

Он обрадовался возможности выйти из-за стола под достойным предлогом. Непонятное волнение, охватившее его при знакомстве с Ксенией, не то чтобы пугало, а... настораживало. Он давно не ощущал ничего подобного при общении с женщинами.

– Идем во двор, я покажу тебе осиное гнездо, – важно сказал мальчик, взяв отца за руку.

– А дамы нас с тобой простят, Лешка? Тетя Ксения может подумать, что мы с тобой невоспитанные мужчины.

– Идите, идите, – улыбнулась Юля. – Мы тут без вас поболтаем!

Ганна тоже встала, начала убирать посуду. Потом она пообещала сделать чай и удалилась в кухню. Подруги остались одни.

– Как я рада тебя видеть, Ксения! – воскликнула хозяйка. – Ты совсем не изменилась. Как твои дела? Замуж не вышла?

– Нет. У меня все по-прежнему.

– Ни с кем не встречаешься?

– Ой! – махнула рукой Ксения. – От мужчин одни проблемы и хлопоты. Мне Эда хватает, с его дурью. Ты знаешь, что он с женой разошелся? Теперь сидит дома, пьет и водит своих дружков. Один из них, Андрей, прицепился ко мне, как пиявка. Проходу не давал.

– Это он тебе подарил?

Юля показала на красивую золотую цепочку с кулоном в виде двух обнимающихся ангелочков, окруженных бриллиантовой россыпью. Ее поразило такое дорогое украшение. Ксения продавала свои картины по весьма приличной цене, но это случалось не так уж часто. Поэтому деньги приходилось экономить, и она могла себе позволить только самое необходимое.

– Конечно, он! – вздохнула Ксения. – Я не хотела брать, но Эд настоял. Сказал, что я своими фокусами испорчу его отношения с шефом. Этот Андрей у них коммерческий директор.

Ксения не стала рассказывать Юле о смерти Андрона и о том, что к ней приезжал Шахров, расспрашивал об их отношениях. У подруги хороший муж, маленький сын, красивый дом – словом, все чудесно сложилось. Зачем вносить смуту в ее теплый и благополучный мир?

– Может, присмотришься? – спросила Юля. – Узнаешь его поближе? А там и взаимность появится?

– Нет! – решительно покачала головой гостья. – Уже все кончено. И это к лучшему! Мне нравится жить так, как я хочу. Чтобы ни от кого не зависеть и никому не быть обязанной. У меня замкнутый характер, странные привычки... Вряд ли они кому-то могут прийти по вкусу.

Юлия ощутила неловкость от того, что она счастлива, а Ксения одинока. Надо почаще приглашать ее в гости. Может, созерцание чужой любви разбудит в ней желание иметь рядом близкого человека, семью, ребенка? В конце концов, она женщина!

– Расскажи о себе, – улыбнулась Ксения. – Мы так давно не виделись. Непривычно, что ты, Юлька, – жена, мать, хозяйка дома! Аж страшно становится от таких слов. Но у тебя все это отлично получается. Я бы не смогла...

– Тебе так кажется! – засмеялась Юля. – Филипп создан для меня, а я для него. Мы еще ни разу не поругались. Представляешь?

Ксения не представляла. Она помнила ссоры родителей. А уж скандалы Эдика с его бывшей женой... Нет, семейная идиллия ее не привлекает. В какие одежды шута ни ряди, все равно он дураком останется. Так и брак. Как его ни украшай, какие слова для него ни придумывай, он был и останется поводом для конфликтов, взаимных требований, упреков... и, конечно, несвободы. Ксении это не по душе. Ей нравятся совсем другие отношения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.